

A man wearing a white hat is seen from the chest up, looking out over a vast blue ocean. The background shows a coastline with buildings and a clear sky. The overall scene is bright and sunny.

Алексей Козлов

ДЖУНГЛИ БЛЕФУСКУ

ТОМ 1

ВЕЛИКИЕ
МОРМОНСКИЕ
ТРУСЫ

Алексей Козлов

**Джунгли Блефуску. Том 1.
Великие мормонские трусы**

«Издательские решения»

Козлов А.

Джунгли Блефуску. Том 1. Великие мормонские трусы / А. Козлов — «Издательские решения»,

Из несвободного, грязного, испорченного Ворвилля главный герой стремится в горы, в мир дикой природы. Он начинает своё путешествие, которое приведёт его неизвестно куда.

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	26
Глава 3	28
Глава 4	31
Глава 5	34
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	45
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	54
Глава 13	63
Глава 14	66
Глава 15	69
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Джунгли Блефуску
Том 1. Великие мормонские трусы
Алексей Козлов

© Алексей Козлов, 2016

ISBN 978-5-4483-0750-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

*Святой Вульвии Ворвилльской – святой заступнице
монархической Республики Блефуску посвящается*

Автор с прискорбием сообщает, что персонажи, разбредшиеся по миру и убедившиеся в собственной безнаказанности, совершенно вышедшие из-под его контроля теперь сами выбирают, как им жить, что им делать и что говорить, а посему он, автор, изрядно помучившись с ними, раз и навсегда снимает с себя всякую ответственность за речи и поступки этих разочаровывающе-маргинальных существ, глупых существ, ужасных существ, неисправимых существ, отвратительных существ, ибо во многом не соглашается со взглядами и речами вконец обнаглевших персонажей, а заткнуть им рот и себе уши не может в силу господствующей тенденции и демократического духа величайшей в мире эпохи. Времена теперь такие, демократические! И если ты не займёшься политикой, политика всё равно займётся тобой! Вот что я теперь думаю! А вы как хотите! Я за всех не в ответе!

Глава 1

Конец Мезозоя и ли в Каменных Джунглях Блефуску

«Вы знаете эту чудесную историю про ослика Линкольна. Нет-нет, вы наверно осведомлены об ослике Вашингтона, а об ослике Линкольна ровным счётом ничего не знаете, да это как говорят в Бердичеве две большие разницы – ослик Линкольна и ослик Вашингтона. Единственное, что связывает этих двух ослов, так это то, что они оба были умнее своих хозяев».

Из журналов.

Ночью мне приснился странный сон.

Это был ужасный сон, но никогда я не чувствовал такой завораживающей приязни и привязанности ко всему тому, что проносилось теперь перед моими глазами.

Как будто я поехал на дачу, ближе к пятнице, кажется, и уже вроде бы иду по зелёной лесной тропинке через лес, радуясь песням птиц и шороху ветвей в вышине. Легки мои ноги! Чиста голова! Песня рвётся из моего юного сердца!

Да только тропинка к моему дому какая-то странная, по какой я никогда не ходил.

И вдруг вижу маленькую, жалкую избушку. Её и заметить-то сложно было! Два оконца, освещённых изнутри, и вход посередине – дощатое решето. Избушка такая, какие я видел в детстве, когда смотрел добрые мультики про Белоснежку или Дюймовочку. Тогда я плакал над этими сказками, просиживая целые часы перед книжкой, от которой ждал всё новых и новых чудес.

И я устремляюсь, сам не зная почему к этой избушке, может быть потому, что всю жизнь мечтал встретить свою Белоснежку или Дюймовочку, чтобы полюбить их и отдать им своё холодное сердце. А потом ввести в замок на горе, где не смолкает музыка и цикады. Отчего-то мне понятно, что именно в этой избушке живут Белоснежки и Дюймовочки! Вот зуб даю – живут!

Я лезу через всякий чертополох, завалы, чащобы, сквозь которые никогда и никто здесь не мог пролезть, перелезаю через какие-то окопы, канавы, перескакиваю несколько покосившихся загорожек с повешенными на них кувшинами и уже подхожу к ставшему огромным дому, окна которого освещены нестерпимо, колонны уходят прямо в небеса, раздвигая устремлённые вверх дубовые вековые стволы, как вижу, о господи, что это, что это вовсе не дом в лесном мраке с горящими окнами, а морда колоссальной очковой змеи, уже начинающей поднимать от земли тяжкую как скала пятнистую голову и раскрывать пасть. И уголки пасти у неё нежно-розового цвета и из них капает горячая смоляная слюна. А в пасти у неё только два зуба, каким может позавидовать любой японский экскаватор, белые до ослепления, мега-зубы с маленькими дырочками на концах, и из этих маленьких дырочек бьют голубые фонтанчики смертельного яда.

И глаза у неё были умные-преумные, каких не бывает даже у святых!

Маленькие шустрые ангелы летали около ядовитого фонтанчика, прочерчивая мягкие линии во мраке и окунали в звонкие струйки свои золотистые стрелы, а потом стреляли из больших красивых луков в матовую чернь листьев. А потом летели во тьму и возвращались оттуда со стрелами, пронзившими твёрдую зелень листов. Золотые жолуди на алмазных листьях были им наградой за доблесть.

народ уже неоперабилен! Это они о нас!!! Мы виноваты! Мы им позволили веками попирать и пользоваться Нас! Ха! Культурный код! Заткнитесь, суки!

У нас тут так повелось, что работают только двое – «Ярсогумба» и Солнце! Но солнце пока старается лучше! Щательней! Я его пока что уважаю за это! А всё остальное – в ж...! Нет, конечно чиновники, агенты и фараоны, как ярые защитники всего сущего, живут тут неплохо, правильно поживают, турбулентно, ездят конечно в санатории и в Египет, получают приличные зарплаты и вообще думают, что они типа в раю! И заслужили своими задами и гнилыми языками своей сытости и довольства! Ха! Тем более, что нефть из земли тут сама течёт круглый год! Ешь – не хочу! Её не добывать здесь надо, а надобно останавливать, чтобы не слишком пёрла! В общем, кто не знает, пусть знает, что тут не рай! Не рай!

Что страна захвачена инопланетянами было понятно сразу! И что эти двуногие инопланетяне миром не станут отдавать своё место под солнцем, тоже было понятно с пол-пинка!

Первыми это всегда понимали враги, которые какого-то... всё норовили это захватить и к рукам прибрать! Они не понимали, что такую территорию даже богу трудно контролировать, не то, что людям! Придя суда, они сталкивались с такими формами жизни, какие по их мнению были невозможны, и сталкиваясь с этими формами, а также с чудесами природы, холодами, наводнениями, жарой и мухами, с невиданными трудностями и нехватками, и с такими людьми, каких нигде в мире нет, несмотря на свой бодрый дух, трудолюбие и порядочность, такого выдерживать долго не могли и быстро падали духом! Хотя в сражениях со всем этим местным ополчением порой показывали такой героизм, какого отродясь в истории не было! Французы, немцы – умные, культурные нации! Поэтому все их походы всегда оканчивались тут плохо к триумфу тех, кто веками продолжал править, почти не обращая на нас внимания! Кто мы такие были для них? Тараканы какие-то! Восставить не восставали, всё правильно делали, с такими тут не церемонятся! В бараний рог крутят! Хозяева жизни с Малой Арнаутской! Этих я хоть и упомянул, на называть не буду, потому что в моём языке нет таких слов, какими их можно назвать! Они для нас всегда были хуже самых жестоких врагов наших! Иногда мы бы и хотели помочь врагам, да они были всегда такие спесивые были, что чертям тошно, и нас тоже ни в грош не ставили! Жаль, конечно! Мы бы, будь они чуть поумнее, тут всё на уши поставили, по углам синектуру разнесли, да ещё клочки по закоулочкам растащили! А они этого не поняли! Мимо прошли! Я их не виню за это! Человек – тварь интересная – всегда задним умом силён, когда ему плохо, он воеет, а когда хорошо, в упор соседа не видит! И они такие были! Люди, как люди!

Основная многовековая забава Блефускусканцев – это сокрытие трупов, ибо в грозные времена на трупы можно ухватить кусочек государственного кошта. Человек умер, а в списках он жив. И его функция в таком государстве начинать действовать без него самого! Он как бы жив, он – мёртвая душа! На него получают сахар, водку, соль и спички, списывают чужие преступления. Так было в оккупированных городах, так было во время так называемой перестройки, когда моя мать месяцами не могла добиться вычеркнуть фамилию умершего отца из их преступных списков!

Я раньше по-другому на всё это мракобесие Блефусканское смотрел, добрее что ли, легче, мягче, смиреннее, а потом почему-то утомилась моя доброта и нежность иссякла! И будущее, в которое я верил с такой силой, вдруг затуманилось, задымилось, загорелось, как старая половая тряпка, а потом сморщилось и исчезло! И как сказал бы какой-нибудь библейский козёл, прозрели мои глаза и увидели всё! И столько кругом горя и несправедливости оказалось, что мне иногда закрадывается в голову мысль, что не просто так это, А для чего-то, вроде с назиданием каким, и будет за всё это такое наказание, что реки вздыбятся и планеты почернеют! Сколько же бог может терпеть такое? Почему он такое терпит? Почему не обрушит свои копыта огненные на всё это безобразие? Почему не сметёт нечестивых в бараньих шкурах?

А может он и обрушивается, да только как в том анекдоте про попа, не попадает туда, куда нужно, а в нас попадает. Мол, уворачиваться нужно! На то и карась в опере, чтобы щука в пруду!

И ответа на свой вопрос я не получил! А может и нет его ни у кого, ответа!

В последние годы я стал законченным мизантропом и научился видеть всё таким, какое оно есть на самом деле. Без розовых очков! То есть по преимуществу в чёрных и белых тонах! Как Василий Силыч Короедов, мой друг!

Надо пожалуй начинать издалёка!

Я сожалею о том, что моя мать спасала евреев в оккупированном Витебске! Надо было выдать этих людей законным властям! Может быть мир был бы сейчас другим! К нашему благу!

Славная история моего края давала немало примеров для таких изменений. Сколько видел я на своём веку восторженных юношей с пылающими глазами, которых судьба потом так провозила по паркету, что их юмор стихал навеки. Сколько чудесных барышень гасло от такой жизни и превращалось в... Я задумываюсь, что мне сказать, ведь я совсем не хочу обидеть этих людей, наоборот, они близки мне и я искренне сочувствую им. Моя душа плачет над их судьбами! Во что же они превращались здесь, в Блефуску?

Я думаю, что истории нужно изучать не как науку, в которой там-то и тогда-то что-то произошло, а как некое множество разномастных фактов, демонстрирующих неизменность основных инстинктов разных поколений! То есть то, что поколения в принципе разные, а их основные инстинкты – одни и те же! Я кажется, туманно выражаюсь, да вы меня уж простите, лучше не могу, не получается что-то!

Историю Блефуску я вообще не беру, это какой-то непрерывный фильм ужасов был, ни одного светлого эпизода никакому историку из этого выудить не удалось! В нашем Ворвилле история была прикольной и было довольно много смешного, хоть чересчур серьёзные местные историки интерпретируют всё сикость-накость. Но это не моя вина, я всего лишь сказал, что Ворвилльская история была более прикольной, чем любая другая!

Какой-либо стройной ворвилльской летописи по преимуществу не существует, как ввиду общего небрежения граждан к сохранению памяти и исторической науки, так и благодаря прагматическому соображению власть имущих, что архив лучше смотрится в печке, чем в руках столичного инспектора. Таким образом повсеместно летопись заменяют разрозненные статьи в жолтых краевых газетах «Речной Свисток», «Паровозный Гудок» и «Красная Клепсидра», на коих основаны сумбурные измышления нескольких ненормальных местных краеведов, в основном высосавших все свои псевдонаучные инсинуации из разных своих и чужих пальцев. К счастью эти представители наивной краеведческой науки, вечно находящейся в младенческом состоянии, никогда не совались в такие сугубые дебри, как политическая экономия 19 века, избирая простые описания быта аборигенов в его коматозной пещерной простоте. Или простате!

Итак, основные труды:

«Волшебный тамбуриг глистианства».

«Чахотка для святых отцов церкви».

«Свинцовый часослов и покаяние для отцов-сусликов».

«Доказанный кобчик».

«Долбанное Благословение Столпников».

«Ватиканская чечётка».

«Кабатчик-Прозелит».

И всем этим нужно было заниматься!

Краеведов у нас всегда было несколько, но в основном этим какого-то... занимались упертые Тырченковы, лажовые Пастуевы-Коробочкины, до сих пор носящиеся

со своими геральдическими построениями, и мутноспелые Грынжибековы-Спасские, славные исторические кланы края, и стоящие несколько одиноко Мускусовы-Рюхины, прикнувшие к первым трём много позднее, в начале двадцатого века, при переселении из Каракалмыкии. Автор соприкасавшийся с этими непредсказуемыми интер-претаторами истории, советовал бы неискущённому читателю ни в малой степени не полагаться на на Грынжибековых, ни на Пастуевых, ни на тем более Тырченковых, и с большой осторожностью выуживать любые древние публикации из «Красной Клепсидры», всегда славившейся своей залихватской брехологиею. А вот к Мускусовым следовало бы приглядеться, кое-что они по делу мололи!

Мускусовы очень постарались в раскрытии тёмных пятен истории родного края и даже попробовали обследовать монастырские пещеры, открытые в 18 веке под холмами и рекой благодаря глубокому освоению знаменитых Пылевских Архивов, но обломались, когда младшенького Мускусова завалило в одном из проходов глиной и гигантскими ледниковыми валунами.

Наверно в этих пещерах находится ещё много тайных сокровищ и свежезаваленных спелеологов. Так что наша наука, наша история никогда не будет посрамлена и найдётся ещё много таких путаников, которые предпочтут спокойное прозябание в городской управе фотографированию неизвестных галактик и поиску подземных ходов, ведущих к нашему Чернозёмному Граалю! Среднему классу это очень нужно!

В восемнадцатом веке над городом распростёрлась дружеская длань полковника Уржум-Дрючеева, прославившегося выжиганием Хорезма и изумительной Джалалабадской резнёй.

Он же при помощи дивизии сапёров за один день откопал Хорезмскую обильва-торию – любимое детище императора Улугбека. До этого раскопки подобных объектов были такими заторможенными, что порой при помощи кисточек и дыхания ангелов удавалось откопать одну античную ложку в пять лет. Ударная археология при помощи дивизий сапёрных лопат и ядерных взрывов малой мощности сильно упростила и ускорила дело.

Судя по количеству слёзных обращений губернатора к подрастающему поколению, можно было с полным основанием предположить, что губернатор был полностью сложившийся латентный педофил.

При нём цвели разнообразыне цветоводческие кружки и центры вышивания крестиком и на рояле.

В Ворвиле, где я живу уже без малого пятьдесят лет, в девятнадцатом веке главный пожарник сошёл с ума от скуки и забравшись глубокой ночью на колокольню в одних калисонах и рваных ноусах, стал отчаянно звонить во все колокола, и орать во весь голос, проклиная всё и вся. То ли он настоящий карбонар был, то ли человек, внезапно застигнутый белугой!? То ли прозревший святой, пошедший с протазанчиком на кривду! Кто знает! Не только в Испании производятся на свет рыцари печального образа! Это вообще войственно Европе! Дон Кихотов и тут полным полно! Пруды – не состаришься! Никто не разбирался тогда! Не до того было! Не до презумпции! Короче! Он дал всем жару! И всё это, вопя и размахивая руками! Снизу видно было, как его причиндалы мотаются по ветру вместе с колоколами! Страшное, но и прекрасное было зрелище! Поучительнейшее зрелище! Представляю, какой драйв он при этом испытывал!

– Но власть думала не только так! Вернее власть думала только не так!

«Я... вас всех! Жалкие государственные поддувалы!» – кричал он, выражая жестами свои чувства, – Ахтунг Панцир! Товарищи! Чернуш! Отманди! Не возмёшь, сука! Рывкнуй! Клешней подцеплю!».

Его попыталась было снять с колокольни железными кошками профессора Жостова рота барабанщиков лейб-гвардии гусарского Иванишкиного полка, но так как

пожарник не сдавался, сотрудничать с барабанами желания не проявлял, и слезать с колокольни категорически не желал, отказывался, отбрыкиваясь ногами и швыряясь в нарядсвятими камнями, выдранными из стен библейских гробниц и прикарманенными рачительным звонарём Тишкой, его лестницей сбросили с колокольни вниз, на стаю жирных, до одури объевшихся маной голубей.

С тех пор водворение полицейской правды стало обычным делом в нашем славном городе Ворвилле!

Так же, как вновь и вновь возрождавшиеся по разным поводам и разных частях города Карбонарские проявления.

Так как пожарник был не только обычным в городе сумасшедшим, но и ещё единственным в городе честным человеком, пожары после его смерти никто тушить не собирался по крайней мере лет сто. Они и горели, подожженные многими рачительными руками.

Через сто лет его подвиг был повторен и в колокола всю ночь звонил уволенный за неуместные речи в канун царя батюшки чиновник Абрахам Продуманов.

Обстановка в провинции была настолько тревожна и непредсказуема, что местная святая Оливия Ладожская, обладательница лучших персей Черноземья и титула «Сладкий Голос Ворвилля», прекратила своё непревзойдённое чревоуещание и только изредка куковала поутру. Её провозвестник Гриша Гамаюшин, специалист по чистке обуви а по совместительству провозвестник чистой правды, уединился под перевёрнутой лодкой и пил беспробудно до смерти и покаяния. Тяжко вздыхали совы.

Блефуску соредотачивалась на главном, как клятвенно обещал президент Ухти Тухти. Наверно по мнению такого президента это сосредоточение чем-то напоминает скульптуру Родена Философ. Там изображён мизантропического вида пердун, который весь согнулся, как безнадежный туберкулёзник, голову в колени уткнул и всё о чём-то думает, думает, не забывая показывать миру, какой он хороший! Чего в ней нашли, не знаю! Смешно на всё это смотреть!

Правда, благодаря попустительству кровожадной власти, кроме пожарника в городе постоянно появлялись обиженные, готовые идти до конца.

С ими разбирались по разному, но кое-кому удавалось что-то сломать или взорвать!

Суперлузер Нахохликов был скромен, но свою злость на неисправимую власть проявлял только в дикий стычках с Фараонами, каждый год всё сильнее накатывавших на Фигнеленд в последние годы его существования. Он был в числе первых на баррикадах и последним уходил пред превосходящими силами врага, оставляя после себя только развороченные камни мостовой, горящие магазины, перевёрнутые машины и валяющихся, как кегли, незадачливых блюстителей порядка. Дома он снова превращался в грустного гражданина и утром покорно шёл на работу в мойку.

«Ложь, с которой согласно большинство – и есть правда большинства!

Сначала они обчистили его как липку, потом высосали, как лимон и наконец выбросили, как шкурку банана. Жителям Африки, не осведомлённым о том, что это такое я готов раскрыть глаза. Банан – это плод бананового дерева, чья высокие стволы и пышные кроны поныне украшают песчаные берега Берлимундии. Не все праповерные чтят Берлимундию, полагая её чертогом языческого беспредела, но я уверен, мой читатель, что без Берлимундии мир неполон. Такое утверждение, что без меня мир неполон. Эти слова, как известно, принадлежат моему земляку писателю Платанову.

Меньшинство не должно иметь своей правды. Но кто сказал, что остальные должны существовать, лишённые подпитки и легитимности, уличённые в посягательстве на якобы универсальные устои. Грабёж и враньё не являются на самом деле универсальными устоями. Это наше правительство так считает, а не Провидение и Бог! А что такое наше правительство с точки зрения провидения? Ничто! Кто сказал, что мнение большинства создано осо-

знанным выбором, а не оголтелой обработкой по телевизору. Кто сказал, что большинство – не стадо, лучше всего подчиняющееся бичу пастуха? Нынешнее воздействие на толпы – это не добровольное убеждение, а самое настоящее клятое принуждение. Сколько среди нас героев, способных восстать и длительное время противостоять многократно превосходящей силе? Наверно единицы! Но чудо в том, что они здесь вообще появляются, эти очистители общественного эфира, эти волки человеческого леса.

Опять меня тянет в эту политику. Конечно, политика чистой воды гадость, но уж никуда от неё не уйти! В последнее время я вправду понял, что если ты не идёшь к политике, политика всё равно завалит к тебе! И нечего стараться увильнуть! Если ты не лезешь в политику, политика залезет в тебя!

Итак, правда меньшинства – это олигархия! А правда большинства – это демократия! Чуешь ничтяк? Или я что-то путаю? Эй, спящий пингвин в третьем ряду, проснитесь! Не до сна тут!

До этого я верил в справедливость и в то, что мир, какой бы он ни был, всё равно идёт к справедливости и правде. Теперь я не хочу об этом говорить, хотя можно было бы по...ть – есть повод посмеяться!

Это как сказать! Справедливость – не пустые слова! Вот сколько лет они то заявляют, что нужно вводить профессиональную армию, то вопят, что профессиональная армия у нас невозможна! Я переведу на простой язык то, что они говорят. Они говорят: Нам не хочется тратить деньги на наших простых граждан, мы уже привыкли, что они всегда покорны и ничего не требуют, мы не будем тратить на них деньги, а будем тратить деньги на лживую пропаганду и затыкать рты недовольным! А платить будем где захотим! Полиции, к примеру!

Прекрасна философия наркомана – истратить всё на наркотики и развлечения, а потом штопать старые, чужие трусы!

Послушайте, какой бред они нам несут! Когда я слышу их речи, хочется так бзднуть, чтобы у них крышу снесло! Хотя лучше они не станут! Свинья везде грязь найдёт!

В этот момент я погрузился в сон, который впервые за долгое время можно было назвать глубоким. Внизу, слегка освещённые ярким голубым светом, шустрили крысы, как будто ожидая от жизни чего-то феноменального. И лица у крыс были не чета людским – благородные, приятные, улыбающиеся. На них сидело крепко приклеенное выражение египетских фараонов. Таких хороших лиц даже в гламурных журналах не встретить! Не крысы, а голливудские мегазвёзды! А над этим крысиным счастьем высилось новейшее, царственное сооружение «Спёрбанка», как говорили закупленные гуртом критики Тукитукич, Кошкаренко и Луж – «здание гармоничное по стилю и донельзюместное в контексте новой городской архитектуры Ворвилля». Но этого никто пока не видел, потому что вся эта красота была закрыта простынёй. Тут главная крыса, густо украшенная орденами и медалями и освещённая теперь невыносимо красным светом, рявкнув:

«Урди Шламуш Дора!», – одним движением сдёрнула покрывало, которое рухнуло прямо в толпу, и все увидели стоэтажную, уродливую, как собачья конура, халупу изободранной фанеры, почти без окон, но с тысячами разнополых существ, всё это было похоже на какой-то бункер для зерна, прибитых голыми к крестам по фасаду этойнеописуемой красоты – бывших, как оказалось, сотрудников славного «Спёрбанка», кто прямо, а кто вниз головою. У кого язык свисал, у кого глаз вытек! Ужасное зрелище! Паноптикум! Картина была надо сказать престранная, и всего страннее, что у тысяч распятых на груди была прибита аккуратная табличка:

ШУШЕРА N 97583
Я ВИШУ ЗДЕСЬ
ЗА СОУЧАСТИЕ
В ПРЕСТУПНОМ ГРАБЕЖЕ

СБЕРЕЖЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ

Не то Я девочка делала!!!!

А у подножия этой халупы лежали навалом и в мешках старые деньги, заляпанные кровью и потом их былых неведомых миру обладателей! И крысы бегали по ним, и улыбались, как черти! Я проснулся.

Это было где-то в конце Мезозоя! Точнее в 2018 году, который все запомнят надолго благодаря смуте, объявившей в то время Блефуску. Смутное было время, бандитское. Честно говоря, не хочется вспоминать! В прошлом тоже были бандитские времена, но не смутные, или наоборот, смутные, но не бандитские. Теперь эта пропасть была преодолена! Теперь здесь все времена смутные и бандитские! Впрочем, в Блефуску нет и не будет других времён! Все времена тут бандитские, только с небольшими отличиями. То смута тут, то бандиты! То бандитов чуть больше, чем смутьянов, и нравы свирепее, то разбойников меньше, чем карбонариев, и нравы тогда чуть помягче. Но в принципе всё одно и тоже! Котинные яйца, корочка! Стрельба, пальба, грабёж и насилие! Когда разбойников много, бюджет пиллят органы, когда разбойников мало, деньги тащат чиновники!

И мирному человеку от бандитов и чиновников в общем-то некуда податься!

Когда ты юн и находишься в розовой романтической поре, смотреть на эти бесконечные орды прихлебателей и уродов довольно прикольно, а потом, честно вам скажу, немного поднадоедает. Скучно становится! Одно и то же! Одно и то же! Как будто в сортир с тремя дырками попал – на какую не сядь – всё равно дует! Только в сортире этом гербы и гимны меняются, то одна голова, то две, то три или ещё сколько, а всё остальное, дырки их вонючие всегда на одном месте остаются! Сколько у них голов, мне всё это по ..., честно говоря, не в коня корм, сколько головок не будет – все отстрижем! Но мне до них никогда дела не было!

И тогда я про себя решил! Не моё дело – в ихних грязных сортирах время проводить!

Президент Буш давно ушёл в политическое небытие, а мы продолжали топтать поверхность земли. Буш мне всегда нравился. И запомнился он потому, что чем-то мне нравился! То, что не нравится, сразу из головы вылетает! А этот засел в голове, как гвоздь! Это был человек, который специально тупил, изображая из себя эдакого полуграмотного батрака в кальсонах, хотя почти наверняка таким не был. Он был хитрым парнем и понимал, что нужно теперь америкашкам! Он озвучил массу клеевых, зажигательных речей, в которых склонения воевали со спряжениями, окончания были ничем не лучше приставок и суффиксов, вы надеюсь знакомы с этими словами?

И общее впечатление от его речей было удивительным. Все ржали, да слушали, может чего ещё учудит парень! Ну, он и учудил! Стал на чистую воду «Аль-Кайду» выводить! Это теперь всем понятно, что это был просто жупел, и никакой «Аль-Кайды» никогда не существовало, а тогда его рассказы все за читую монету шли! В Бунде стихи об «Аль-Кайде» сочиняли. Особенно когда он затеял войны с террористами. Сам выдумал террористов и сам повёл с ними беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть! Уж у него правая рука знала, что выделяет левая, и наоборот! Хотя левый глаз не знал, куда смотрит правый!

Я был бы готов ему помочь, если бы понимал, к чему он клонит!

Загорелись небоскрёбы,
Запылали там и тут,
Глядь, американцы в ж...
Страны целые е...!

«Мои взгляды – это те, которыми говорит свобода!» – говорил тогда президент Буш. Он знал, что буробил! Знаменитый арканзасский винтокрыл!

Это же надо было так отличиться! Библейский пророк в электронную эпоху!

Честно говоря, я долго был наивным простаком и верил, что в Блефуску всё в конце концов будет хорошо. Оно и было! Но лучше верить в чудеса, в хождение по водам, в оживление мёртвых, или во что-нибудь подобное, во что всегда дебилы верили, чем в возрождение Блефуску. Как может что-то возродиться, когда кругом одни воры и разбойники? Они тут ничего другого не оставили! Только пилят бюджет! Теперь я вижу, что тут твориться! Надо быть Хичкоком и Гоголем в одном лице, чтобы описать это! Но не боги обжигают горшки, а горшки обжигают богов, придётся мне взяться за перо!

Итак, мы живём в Блефуску! Что это такое? Блефуску – это величайшая микроимперия на просторах Восточно-Южно-Азиатской платформы. Восточно-Южно-Азиатская Платформа – это огромный, слава богу неподвижный, не подверженный землетрясениям и цунами камень посреди планеты Земля. Планета Земля... Я в школе про это узнал, у нашей учительницы Викторией Тимофеевны Шмуц. Больше от неё, правда, ничего узнать не привелось! Кричала она больно сильно! Но по делу! А Блефуску – это Блефуску! Я смотрю на Великую Республику Блефуску, как энтомолог смотрит на скопление паразитирующих насекомых, в тщетной попытке выявить хоть какие-то закономерности существования этой странной людской общности. И не нахожу их. Может, их и нет вовсе!

То есть с известного момента я не нахожу разумных доводов для патриотизма и лояльности к чему бы то ни было. Их нет!

Тут много было всякого. История Блефуску, когда ей начинаешь заниматься, походит на свалку, в которой собраны обломки всего, чего угодно.

Древность сразу можно перепрыгнуть и заняться временем нашего блуждания в тёмной комнате в поисках коммунизма.

Потом были трудные времена, когда нужно было оформлять иконостасы в лупанарах.

В то время, как развратные Франкозы, Лемцы и Брангличане занимались любовью и беседовали о целительных свойствах куннилингуса и фелацио, мы шли под красным знаменем к сияющим вершинам коммунизма. Идти было далеко и немногие смогли проявить устойчивый нордический характер. Мы радовались быстрому росту количества танков в ангарах и ракет в шахтах, увеличению числа бесплатных рабов-солдат и зарплат сотрудников спецслужб. Но радость к сожалению была недолгой, империя рухнула. Удивлению моему не было предела. Она казалась такой железобетонной! Не то, что бы я любил её, совсем нет, но в том, что эти гнилые стены будут стоять века я был уверен стопроцентно. Обломки упали на многих, но сильнее всего пострадали бедняки и честные. Им не на что было отсюда убежать, да они и не хотели. Они не прятались в оврагах и не укрывались капустными листьями. Поэтому многие из них погибли. Честно говоря, она неминуемо должна была рухнуть, эта долбаная эрзацимперия, но видеть как она рушится в тартары было неприятно! Кое-кого завалило имперским мусором, кое-кто сбежал, но ландшафт Блефуску стех пор стал напоминать ландшафт Марса или Юпитера – один навоз на фоне высоких гор.

Всё остановилось и все заснули, кроме толп полуночных воров, доворовывавших основные фонды.

Танки пришлось продать на металл в Турцию, а ракеты – на фейерверки в Кению. Барелины пошли в шоссейные проститутки, а уголовники заняли кресла губернаторов маленьких безвестных городов. Одна церковь, Всесвятой Матушки Марго, баклуш не била и продавала импортный табак на всех углах, в результате чего обогатилась в несколько лет несказанно.

Её иерархи в отличие от давних времён, когда им приходилось собственной тени шугаться, имели теперь вид довольный и лоснящийся, как коты в американской сметанной. Мне и они были неприятны.

Мне Матушка Марго была противна, поэтому в те годы я разорился.

Потом я стал задаваться вопросом, кто же и что же всё-таки из окружающего мне приятно, и понял, что это – девушки. Местная природа плодила их удивительно привлекательными. Всё остальное давно вызывало у меня омерзения, начиная с герба и гимна и кончая состоянием городов и весей.

Настало время тишины и молчания.

Красноречие рыб и молчание рабов – надёжные фундаментные камни нашей империи! Некоторые мои студенты признавались, что их не смущает, что их жизнь похожа на жизнь рыб! Они бессловесны, если у них есть амбиции, то они очень тщательно замаскированы, мировоззрение их загадочно даже для меня, как мировоззрение палтусов или сельдей, я ничего не могу понять в этой каше.

Навно я сам в этом виноват и они смеются над моей недогадливостью.

Они не худшие люди на планете, есть люди много хуже. Я сочувствую своим студентам, и иногда отвлекаюсь от рыб и попадаю в мир энтомофагов и жуков. Рыбы хоть не опасны, в мире есть твари пострашнее! И их много больше, чем рыб. Тут тоже нет слов, но много дребезжания крыльями, скрежетания жвал и тихого попискивания вообще неведь откуда. Здесь всё основано на трудолюбии, все твари здесь при делах!

Я захожу в класс всё более отрешённым. Глядя на пустые лица студентов, я понял, что выудить у них ничего всё равно не удастся. Даже под пытками.

– Будем считать, – сказал я им, – что мы присутствуем при съёмках самого великого фильма века, фильма «Карапузики во Вселенском Маразме». Совершенно пустой задник, лучше космос, какая-нибудь забытая богом, замшелая галактика на периферии. Какой периферии? Уже неважно! Совершенно деревенская галактика! ЦФА-1366-AZ12/W/Отстой Вселенной! Чёрная дыра рядом! Хулиганские пульсары кругом! Боги по таким местам не шастают! Никаких персонажей! Никакой музыки! Короче – абсолютный шедевр!... Здесь я нашёл такую траву, которая, когда её искурить, уносит человека на небо и опускает под землю!

Студенты переглянулись. Атракцион «Летучие Паровозики»! У препа что, фантазии ни на йоту? Угорел на работе!? То, что было посвящено здравью, привело к упокою!

– Ужасный человек! – сказали ангелы, – Карапузики! Вот уж мне эти педофилы-перестарки! То есть педагоги! Столько проблем с ними! Покою нет!

Они всегда появляются некстати, эти добрые ангелы!

– Однажды я встретился там с Шекспиром и любил леди Гамильтон. Она была очень горячая!

– Ужасный человек! А Шекспир тебе понравился?

– Шекспир? При чём тут Шекспир? Ну вы заладили! Ужасный человек! Да ужасный человек! На самом деле, если у меня нет женщины, я могу жить с соображаемой! К этому подстёгивает и сама эпоха, суть которой и состоит в последовательной виртуализации! Да здравствует Виртуал-Социалистическая Рабочая Партия Блефуску.

– Воображаемая даже лучше! Её можно выгнать без скандала!

Человек – относительно счастливое существо, ибо ему как правило выпадает жить среди себе подобных.

Наверно микробы, счастливо живущие в унитазе, когда смотрят вверх, видят звёздное небо, а не людей! Их можно понять! Одно звёздное небо на всех! Звёздное небо, от которого у всех слёзы на глазах! Просто небо у них такое!

И видя такое небо, и такую красоту, тли, конечно дело, прикладывают свои глиняные клешни к своим святым глиняным кокардам и, замерев от восторга, слушают свой «Глиняный Гимн», исполняемый в две четверти ля минор.

Глиняный король с бантом на шее Фарфускин

Глиняное войско ведёт,

И его любит страна Банта Фагия Масдия Блефуску,

Дивные песни поёт!

Ах, Блефуску – наша страна!

Ты издалёка видна!

И вообще, готовы жизнь отдать за всё сущее!

Хотя за тлями иногда интересно понаблюдать, я не о тлях буду писать, а о людях. Они мне как-то милее и по размеру ближе.

Вы меня понимаете?

Вы не думайте, что я дурачок какой, я просто иногда прикалываюсь, а так я парень нормальный, наблюдательный и сметливый, хоть куда парень, вот только не очень удачливый, как некоторые губернские умники, каких тут последнее время расплодилось пруд пруди, да это всё поправимо! Не боги горшки обжигают, и горшки богуют, в конце концов!

Мои удачи связаны не с тем, что я или там мои родители какие-то нечестные там, плохие люди, воры там или жулики какие, нет, совсем напротив, увы, мои неудачи идут оттого, что все мы – честные люди. Как бы это сказать? В общем, я благодарен Блефуску за то, что она всегда как бы изводила честных людей и катком по ним ездил, благодарен потому, что свою муравьиную жизнь жить веселее, когда веками в джунглях на тебя идёт охота, и ты поневоле находишься в хорошей спортивной форме. В любой момент можешь от всего этого убежать со свежей газетой в руках. В довольстве и нормальности человек покрывается жирком, линяет, тупеет, скурвливается, в Блефуску жеприличным людям к счастью жиром покрыться никто никогда не даст, не в коня корм, это я знаю не по рассказам. Тут скорее отнимут последнее, чем подарят излишнее, если зазеваться чересчур, но это всё правильно и необходимо! На то и в болоте щука, чтобы рак в поле не дремал!

В то время я был молод и знал всего два слова, состоящих их шести согласных и одной гласной – «Бзднуть» и «Мкртчан».

Мир слов в те годы значил для меня больше, чем мир вещей и я иногда как палочник замирал над уютными фолиантами из Палоквинской Библиотеки, с рисунком какого-нибудь столичного фраера или гравированным рисунком жука-энтомофага, затянутого пожелтевшей калькой.

Поживём-увидим! Смотреть на всё это прикольно, я всем скажу! Не всё дело в каких машинах ты ездить, и на каком фарфоре хаваешь, есть многое такое, что и другу Горацио не снилось после дождика в четверг!

Жизнь прожить, не поле перейти! Так Тукитукич любит повторять! Ему виднее! Он как-то хорошо сказал: «Все женщины мужского пола»! Забавно! Фразист!

Жить всё равно интересно, даже в стане разбойников! Среди разбойников многое можно понять! Это как стекляшку взять, всякого дерьма на неё набросать, потереть чем-то, глядь, бриллиант и вылез! Смотри, только бока нагуливай!

Я презирал их как бы неаристократичность, что ли! Они как будто закрывали глаза, скрываясь от внешнего мира! А я смотрю на всё прямо, даже на Солнце прямо смотрю! Не могу видеть слезинку ребёнка, поруганную девственность, неотблагодарённое героичество! Родину уже не могу видеть без содрогания! Раньше увидел родину и плачу, а теперь плачу, когда увижу! Раньше я плакал слезами тёплыми, как летний дождь, а теперь холодными, как ледник! Не могу видеть глазами родину! Душою она мне мила по-прежнему, а вот глазами её видеть не могу! Она всё время вихляется передо мной, как вавилонская дочь,

а мне от неё уже тошно! Хотя люблю её всё круче и безнадежней! Я вот что думаю! Хорошо родиться здесь, да помирать страшно!

Не могу видеть поруганную, пустую бутылку водки, отброшенную немотствующей рукой! Бутылка водки, отброшенная немотствующей рукой – это такое кощунство, такое святотатство, что говорить страшно! Не напоминайте мне больше о бутылке водки, попранной наглай немотствующей рукой! Наглая, не сознающая себя рука жлоба много лучше немотствующей, вялой, хилой, я бы сказал, неамбивалентной по сути руки гнилого интеллигента, отбрасывающего в наивной гордыне святую бутылку водки! Хоть убейте, не могу видеть вялую, хилую, неамбивалентную руку гнилого интеллигента! Это какой-то хитрый бэкграунд! Абзацлэнд! Грандпанкстоун! Как увижу родину ранним поэтическим утром в берёзовом тумане, сразу на меня античная тошнота накатывает и рука сама тянется к револьверу! Это какой-то феномен у меня! Лучше ведро цикуты выпить в час заката, чем проснуться и увидеть родину в час рассвета! Это как увидеть жену на рассвете! А вот брэнскую крепость с выбитыми окнами – могу видеть! Похороны наших правителей – ничего комичнее не представляю! Это просто колики и смех! Укатайка полная! Уже могу такое видеть! И на хремель сгоревший со смехом бы смотрел и смотрел! С хохотом! Нусекву, уходящую со скрипом под землю проводил бы напутствующим взглядом! Гори, гори ясно, чтобы не погасло! Всякому – своё!

Всё понятно?

Тут так удивительно всё!

Ну, положим такие добродушные мысли меня не всегда колеблют! В основном я думаю о другом! О еде, питье, одежде! Тут о высоком, вечном и неколебимом долго не дадут подумать! Поколеблют! Всё поколеблют! И треножник поколеблют, и вообще всё сущее!

Вот Данте описывал Ад, а сам-то в нём не был, всё из пальца тянул, ад какой-то, чистилище! А мы тут прямо в горниле тащимся, в самом пекле событий. Над всем этим кучка каких-то сомнительных парняг в униформах, так принято! Вид у них, как у крыс, да только они сами высокого вори и себя крысами не считают, а считают себя людишками удивительно полезными для такой родины, как Блефуску! Вон кучу каких-то патриотов погнали в огонь, там пальба, стрельба, гомон и сотрясение, вон кого-то подвешивают причудливым образом и ковыряют всякими инструффараонами, а те воют и причитают, тут вообще выборы сатаны какого-то местного, энтузиазм шкалу снёс, а вон там, чуть в сторонке вообще что-то загадочное, даже я ещё пока не знаю, что это. Боюсь даже идентифицировать! Вау! Ву-ух! Пойдёмте посмотрим поближе! Может, кому и понравится?

Ёхан бабай! Что вижу!

Хроника.

О, как ужасно в век суровый,
Неблагодарный и пустой
Пребыть колхозною коровой
С босой, понурой головой!
Как грустно видеть в щель сарая
Топор, ведро, верёвку, пень,
А там вдали, где птичья стая —
Ошмётки дымных деревень!
Бежит по косогору стадо!
Грустит о добром Ильиче
Горбун с пропитым в детстве взглядом
С хлыстом тяжёлым на плече!

Как жутко муравьём родиться,
И на горбу таскать бревно,
Чтоб выжив чудом, возгордиться
И говорить: «Мне всё равно!»
Как больно быть пчелой – и мимо
Лететь неведомо куда!...
Их участь, впрочем, несравнима
С ужасной участью совка!
Не в плавках сила! Сила – в знаниях!
С тоской посматриваю я
На повторенья, заклинанья!
На участь честных среди воря!
О, смертнорусская истома!
Да, наш удел весьма суров —
Как гости пребываем дома
Среди нагловатых чужаков!
Веками – пыль, глупцы и мухи,
Грязь непролазная дорог,
И те же нищие старухи,
Привыкшие латать носок!
Спит под звездой нерукотворной
Земля, рождающая дух...
Дух безнадежности покорной
К всевластию Навозных Мух!
Пусть насмеются соседи!
Всем вопреки умеем мы
Жить без Божественных Комедий
Комедией своей судьбы!
Порой среди дикого бедлама,
Спасаясь чудом от беды,
Мы смотрим в землю...
Где же яма,
В которой кончатся следы?
Прекрасны плесени узоры!
Чу, наводняют сирий стан
Легко линияющие своры
Попов, бандитов, партизан...
Кого ещё судьба подкинет?
О том не знает человек!
И это он пройдет, и минет
Неведомо который век!
Рабы рабов при слове мёртвом!
Видать Всевышний нам велел
Дышать веками духом спёртым,
Отбросами заморских дел!
Но как придёт захватчик лютый
С освобождением своим,
Рабы в течение минуты

(Невесть зачем!) кончают с ним!
Чтобы потом свои сатрапы,
Забыв об участи рабов,
Набив карман, потёрли лапы
И улыгнулись средь гробов!

Я вижу их! Паны и слуги,
Запёртые в земную клеть...

P.S. ... Не надо мне бы на досуге
Немецкой хроники смотреть!!!

В детстве я почему-то думал, что Гарфункель – горбун! А он оказался вертким чернявым парнем с гитарой, фендер, по-моему, называется, попсовичок! Глазками швиц-швиц! Маленькой, чорненькой! Да нет, я не восхищался их песнями. Так себе! О Саймоне я не говорю, тот был поталантливее, что ли, хоть можно сказать точнее – вёрткий! Тоже вёрткий! Пузцо такое! Они вместе с Битлами окучивали поле верхотурки поп-культурки и взращивали на нём жёлтые сумбмариновидные тыквы и синие психоделические помидоры. На самом деле я – настоящее дитя поп-культурки, хотя мои родители хотели для своего единственного сына иного удела!

Они жили в другой стране и в самом ужасном сне не могли представить то, чем станет их бывшая родина. И хотели, чтобы их сын был воплощением патриотизма и добра. Я и был воплощением смирения и комформизма!

Но как известно, в Блефуску и пыль столбом, и... в пыли!

Бездари при патриотических синекурах! Все стали патриотами!

Мне нравилось в то время два фильма – один «Зловещие Мертвецы», а другой, не помню названия – про остров, на котором живут два этих потных, грязных, отвязных, сумасшедших маньяка-толстяка с огромными топорами, которые в майках с пятнами под мышками потом начинают бегать за чистенькими пионерками и пытаются достать их своими толстыми бердышами. Жуткое зрелище! Всем советую посмотреть! Пионерки должны знать жизнь непонаслышке!

«И еще я помню, что человек никогда не должен вкладывать слова в уста Господни». Во так, и никак не меньше!

Так Джордж Бусч сказал, мой друг! Я его люблю гораздо больше Гарфункеля!

То там как будто спорит со мной? Что за тени в дыму?

– Она была лесбиянка и женилась на другой женщине!

– И они взяли на воспитание китайчонка, я полагаю?

– Типа того! А откуда ты знаешь?

– Это лежит на поверхности!

– Хорошенькое дельце!

– Неплохое!

– Ты всю жизнь прожил в этой дыре и утверждаешь, что где-то живут люди! Лесбиянок полно в Голливуде!

– Ты там был?

– Там Кьюсак играл свирепого убийцу-кукольника!

– Убийцу кукольника?

– Убийцу кукольника с Йоркширских болот! Кукольник и его кровавые куклы до сих пор бродят по Йоркширским болотам с консервными ножами и подкарауливают там меценатов!

- Может, педерастов?
- Может и так, да только знаю, что караулят!
- Убийцы кукольники паразитируют в основном не на болотах! В Йоркшире есть и нормальные люди! Бары есть, бордели! Они паразитируют на блогах! Что есть...
- Есть, но уродов там больше! Убийцам кукольникам в основном подобает быть на болотах!
- Там есть кошкодавы и трубочисты! Город знаменит своими редкими профессиями и гордится своими героями! Кружок вышивания и вязки.
- И кто же эти герои?
- Буш!
- Буш?
- Да уж! Буш!
- Буш отсюда?
- Оттуда! Из эпицентра! Из Америки! Но отрицает это!
- Апартаменты в «Хилтоне» он нешуточные занимал, метров сто! Без малого!
- Квадратных?
- Кубических, ослина! Кубических! Куб! Ты знаешь такое слово!
- Маловато и для бедняка! Апартаменты дедушки Тыквы! Хижина дяди Тома!
- И что?
- Ничего!
- Может припереть его к стенке?
- Да вот думаю, как!
- То, что он оттуда, видно по его речам!
- И слышно по его лицу!
- А что делать с кукольником, когда мы его поймаем?
- Странный вопрос!
- Убить его или сначала линчевать?
- Убить, потом линчевать, а потом сжечь!
- Он христианин! Его нельзя сжечь! Его надо зарыть в землю!
- Только живьём!
- Я тоже так думаю!
- А потом раскопать и распять на мельнице!
- Почему на мельнице?
- Потому что мельница сделана в виде латинского креста! Будет прикольно!
- Тут было всё! Тут не было того, что есть у всех! Тут было всё, что невозможно там, где есть люди!

Лозунг герцога Трихирина, который прожил здесь целую вечность, захваченный в плен в Северную кампанию, был просто лаконичен: «Бди! Лягайся! Наплюй на всё!»

Так я и делаю, но понял это сам!

Плевать на всё!

А какой у нас век? Кто помнит?

«Поспешное излечение ГЕМОРРОЯ токами Фуко!» – значилось на растяжке.

«Эта реклама на любом углу отвлечёт любого от мыслей! Самых святых мыслей на свете! Чёрт! Чёрт! Чёрт! А это ещё что?»

«Бубен Карликов – Пейджмейкер!»

Так о чём мы? Да, то бишь!.. А век у нас новый, невиданный, и кончится он через два несколько десятков лет очень и очень плохо, в правление шестипалого императора Катигорошика Первого! Это тот, про которого говорили, что у него семь пальцев и хвост! Тогда и небеса упадут на землю и реки выйдут из берегов, и пятиногая собака Джингл Белл ока-

тится! Вот когда накатит второе пришествие! Накатит, как накатит, по-настоящему! Все ждут его вместе с индейскими проклятиями и хвостатыми кометами, а оно придёт тихо. Вот так, как Фрич ходил, со склонённой головой. Кто такой Фрич я расскажу потом, когда время придёт, а теперь вернусь к своему городу. Хотя туда мне самому очень не хочется возвращаться!

Город, в котором я живу, называется Ворвилем, то ли в честь огромного количества разбойников в разные времена, то ли в честь городского сумасшедшего Вили Билблорда, проповедовавшего тут смирение и холодные купания на зимней реке.

Кругом множились удивительные противоречивые явления. Расцветал махровый пещерный индивидуализм и одновременно укреплялись по-большевицки сплочённые домовые комитеты.

Я знаю, во что они выродятся через несколько лет.

В 1812 году, как говорили всвязи с Наполеоновской Катавасиею, чуть не свернувшей шею нашему двухголовому императору, вокруг города долго шлялся огромный алюминиевый разбойник Ряшкин Бибигон. Ростом с тридцатизэтажный небоскрёб, на тонких ножках, с протазаном, украшенным трёхцветными пальмовыми листьями, он производил ужасающее действие на горожан, однако войти в город не додумался, а всё обходил и обходил его по периметру. Он ловил драконов методом вместе необычными и оригинальным-раскалывал клетки для яиц и клал в ячеи клей, смешанный с зерном. Клей был такой сильный, что склееное им не могли потом оторвать трактором. Драконы увязали клювами в ячейках, приклеивались к заготовленным великим учёным ловушкам, и некоторые даже убежали, расставшись с лапами и хвостом. Хвосты драконов были изукрашены крестами и загогулинами, напоминавшими запятые и точки, а также двоеточия и знаки вопросительные.

Однако и тут город пал, потому что верные присяге и так пороховщики, и не думавшие отходить от пушек и принуждённые не смыкая глаз днём и ночью следить за его мерным движением, в конце концов вывернули себе шеи и погибли. Жители прозвали гиганта почему-то Жан Ришар Мценского Уезда и его исчезновению были ужасно рады, не понимая ещё, что вслед за алюминиевым человеком в Ворвиль пребудет Железный Дровосек. Дровосек в конце концов появился, подняв дикую ковыльную пыль и сбив пожарной колокольни крышу ржавым топором размером с трейлер. Полковник Змаморочка, посланный для нейтрализации угрозы вместе с дюжиной мелких почтовых партизан, вооружённых заострёнными гвоздями пиками, Железному Дровосеку оказать сопротивление не смог, и потому тут же и застрелился у городских ворот на виду у всейпрачечной бани.

Потом на город напали знаменитые писатели. Тут был Пушкин со своей Наталией, но захандрил, бродяга, отвалил скоро, был Гоголь, но впал в меланхолию, бросил колесить по округе на бричке и слинял в итальянские пампасы, был Чехов, но как-то недолго.

Ворвиль они покидали в слезах и пене, плюя не все четыре стороны света.

В Ворвиль всегда ссылали бывших каторжан, которые потом, наскоро обучившись в школе и обретя высокие манеры и лоск, становились городскими интеллигентами и опорой городского воспитания. К старости многие бывшие уголовники, днём и ночью занимаясь соглядатайством, иногда заслуживали от власти прощения и определённых благ и положения.

Иные не соглядатайствовали, и влачили жалкое существование на содержании собственных летающих огородов.

Династия прокуроров Свечниковых практически приватизировала законы области и обтяпывала делишки без малого.

Первым был, собственно говоря, сам Свечников. Вторым оказался Двусвечников, третьим – Тресвечников. За ним бодрыми стопами последовали Четверосвечников и Пятисвечников, а на излёте династии её добивали последние ошлётки Шестисвечников и наш знакомый Семисвечников.

Прокурор Семисвешников был не лучше Шестисвешникова. Далее шли Восьмисвешниковы, Тулуповы и Самовы, три основные юридические роды провинции. Два были взяточники хуже Еркиных, а третий честен, как аркебуза! Но глуп, как валенок!

Так династия прокуроров Свечниковых сошла на нет.

Пирамида пастуха Филисиса.

Ворвилль не считался лучшим городом Блефуску, и все, у кого была такая возможность, пытались обходить его стороной.

Но Ворвилль был настоящей опорой империи.

Когда Гаршин прозрел и узнал, что живёт в Блефуску, и грозит скорая высылка в Ворвилль, он вырвался из рук бонны и с криком «Не хочу!» бросился в пролёт лестницы вниз головой.

Потом настала сугубая современность, оченённая несколькими царскими банкетам и долгожданной кровавой революцией, в ходе которой всё окрасилось в колокольню-красный цвет, а по периметру засновали кошерные тачанки с пьяными матросами..

Потом на мгновение всё затянулось туманом, из которого появилась вполне современная территория. Это приблизительно совпало с моим появлением на свет! Траектории расправились, и взгляд аборигена обрёл смысл.

Если приглядеться к новому навелению Ворвилля, то видны очевидные отличия, впрочем, в чём они заключаются, понять довольно трудно. Единственно, что можно сказать неоспоримо об этих людях – это то, что все они – хитрованы. Жёны их с большими сиськами, а дети с большими головами.

Странная штука – жизнь. Ожидаешь одно, случается всегда другое. Может быть оттого, что слишком многие ждут одного и того же, и достичь этого невозможно.

Летом, будто зажжённые многоруким богом Шивой, во всех концах страны разом возгорелись дичайшие пожары, каких отродясь веков тут не загоралось, а так как пожарные команды отдыхали на море или спились от безделья в шинке «Змей и Когти», тушить разбушевавшуюся стихию было некому. Я тушить не пошёл, на фиг мне это нужно! А то ещё поймут, что я очередной патриот и меня снова грабить можно! Туши, не туши их долбаные пожары, они всё равно будут пытаться обмануть меня! Пусть все они поэтому горят синим пламенем вместе со своими долбаными лесами! Может, их хремель сгорит с лесами впридачу! Мне от этого богатства всё равно ничего не останется! А так хоть увижу, как ихнее ворованное добро горит! Будет на нашей улице праздник!

Сколько уже всего видели мы даже в эти скучные времена, а что старики вспоминают – уму непостижимо, абзац! С ума треснешь изучать, что тут было, и пусть некоторые долбо... называют это «историей», я только посмеюсь. Какая это история? Когда черви в сгнившей каше ползают и друг друга кусают – это история? Не смешите меня жить! Может для вас это и история, а для меня – г...! Ладно, для некоторых история, некоторые вон в психлечебнице на государственном коште сидят, и даже моё красноречие не убедит их, что они не наполеоны или цезари! Каждый тут свою копну молотит, и каждый молотит, как может, и абы чем молотит, врач молотит свою копну градусником и клизмой, инженер – астролябией и карандашом, а пройдохи молотят своей хитростью и сноровкой! А её им не занимать! Видите, я всё вас подвигаю, подвигаю к главной теме нашей книжки! А вы думаете, я простак эдакий! Хе!

Вот, кто помнит, что тут было, наверняка не забыл, как отец общины праздношатов Святого Дня Би-Би, бывший мичман Дурновский, он же Битломан Кортиков, он же Паша-Сиреневый, он же Миша Втулка, он же Бармен, Борман, он же... взял на прошлой неделе нехилый банк и теперь скрывается от копны копов.

А времена настали причудливые. Барелины отчаянно играли в хоккей, опупевшие от коловращений и пьянства боксёры пели в итальянской опере, а престарелый Министр-просвещения Шацкий снялся в очень приличном порнографическом фильме.

Я тоже в соответствии с модой занялся педагогикой!

А в это время случилось большое несчастье – церковь встала на защиту духовности! Когда она просто набивала карманы государственными деньгами, это было терпимо, потому что народ понимал, что и как делается. Но когда вор бросил воровать и заявил, что теперь он ищет отдохновение в духовности, нервы у горожан не выдержали.

«Разрешение церковникам вводить народ в параноические состояния при помощи этих Пиплий выдавали государства, которые либо сами параноические, либо преступные!» – крикнул в окно куфии местный святой Тимоша Паюсный, – Ура!

Народ вяло зашевелился.

Но церковники тогда это дело положили под сукно.

Тогда Тимоша накропал статьи, в которых подвергал сомнению всё и вся, вызывая острую неприязнь не умеющих прикалываться горожан. Но его не трогали, потому что если на словах он был смел, как тигр, в быту был он осторожен, как заяц.

«Чтобы в наибольшей степени убедиться в земном происхождении самого христианства и связанных с ним бесчисленных церквей, достаточно взглянуть на соответствие экономических и социальных условий существования христианизированных сообществ строению церкви. Если бы дело было по-другому, во всех проявлениях церкви рука бога была бы виднее корявых рук людишек. Сразу видно, что не к виртуальному богу веками устремлялась церковь, а к деньгам конкретного сообщества. Будучи дитём самых нездоровых слоёв, церковь всегда им соответствовала, но в плохие времена сама начинала истерически воздействовать на сообщества, исступляя их и вводя в окончательное умопомрачение, вместо того, чтобы утихомиривать и гасить страсти. Вернее на словах, она всегда утихомиривала, на словах!

Перед человеком две дороги, двое врат, ведущих в будущее. Одни врата страны – в них нет слов, за ними бушует жестокая и справедливая сила, за ними нет места милосердию, там уцелевают только самые сильные. Это Врата Матушки Природы, и многие испорченным цивилизацией людям и в голову не придёт идти к ней.

Легко пройти по другой дороге, в другие врата. Это Врата Религии, они в крови и гное и на них написано: «Идёмте со мной и поэтому вместе с Богом – к вечной жизни и невиданному никем счастью! Мы гарантируем качество товара! Наше успокоение самое глухое!»

Не хочется щеголять терминами, но есть как бы это сказать... корреляция что ли. Если рассматривать общество, как единый живой организм, то в его здоровые годы даже такая липкая зараза, как христианство не могла к нему пристать! И она всегда поражала только ослабленное, больное сообщество. Через его самых ослабленных членов поражала. Маргиналов разного рода, интеллигентов там, проституток! Ей изначально были свойственны эти коррупционные формы! При этом проявления болезни всегда были связаны с общим состоянием народного организма. В фазе бреда болезнь проявлялась в виде болезненных высыпаний и гнойных нарывов, потом перешла в латентную хроническую форму. Похоже, выздоровление сообществ, думал я, не за горами!

Церковь при этом, согласитесь, не является общественной организацией! У общественной организации не может быть многомиллиардных счетов в банках и собственности, размеров которой они не знают сами! Это фирма-полип! Но не в этом основная беда! Беда вот в чём! Церковь – прежде всего чрезвычайно неэффективный пользователь, вымогатель и дармоед, присосавшийся к народному пирогу. Всё что она производит, по себестоимости несравнимо даже с самыми неэффективными собственниками, себестоимость продукции-церкви всегда несравненно выше. Все потуги церкви получать бюджетные льготы под видом того, что это общественно полезный институт можно рассматривать, как формы вымогательства, а следовательно и коррупции!»

Тимоша был местной знаменитостью. Он проповедовал всегда разное, в зависимости от течения и конъюнктуры. Годам к шестидесяти Тимоша внезапно начал флюоресцировать по ночам и принимая во внимание как его добродетели, так и вновь обретённый талант, городской совет присвоил ему звание Городского Конюшего с доходом не менее семидесяти кринц-гульденов в месяц. С этого момента жизнь Круна Больценпрингера, как теперь все величали Тимошу, круто изменилась.

Впрочем, при очередном повороте винта, когда церковь вновь стала котироваться и пошла в гору, персональные выплаты Тимоше прекратились, а пресса словно по приказу совершенно забыла о нём.

Славны истории страницы
Родного края вдругопрядь!
Ты, родина мне будешь сниться,
Где бы я ни был, на..., ...дь!

Я люблю церковников! Тут столько непорочного зачатия, что дышать темно! Вон ещё один!

Отец Дон Крышоу! Круз свинье не товарищ! Факрэтс Авеню.

Так, о чём это я?

Слышь, ты, прозелит! Запахнит-ко ты душу!

Глава 2 Жёлтый туман

Почему ранним утром за окном всегда кричит ворона? Это странный, грозный час, когда на улице только начинает светлеть, и духи прошлой ночи покидают реальный мир.

Я взглянул в окно, пытаюсь увидеть там нелепую фигуру интеллигента в старом демисезонном пальто с глобусом под мышкой, который он нёс своей жене. Она могла бы оставить запись в дневнике: «Я любила его, меня большая грудь и ж..., у него были большие руки, большой рот, большой пенис, большое сердце и большие доходы. Всё, что может бесконечно воодушевлять и радовать женщину! Когда он был маленький, то уже тогда в солидных ходил, переваливаясь как обезьяна! Глобус он называет „Сиськой Прозерпины“. Об этом сообщил неизвестный студент, прежде чем исчезнуть».

Он выдумал специальное химическое соединение для полётов на Марс и другие планеты, с помощью которого стало возможным снова превращать старое говно в еду и питьё и таким образом экономить на каждом килограмме веса космического вертолёта!

Он пил не оттого, что был алкоголиком, совсем нет, он пил потому, что скорбел о всех людях планеты Земля! Ему нужно было просто забыться, уйти от рутины жизни! Он скорбел даже о неграх и этих! Это ведь разные вещи – забыть о всех и быть забытым всеми! Второе для интеллигента хуже! Первое – желанно!

В связи с выборами, некоторые уж слишком ретивые иконы стали столь интенсивно мироточить, что это напоминало элементарно золотистое мочеиспускание.

Божественный запор Святого Франциска дополнил картину и возбудил новые надежды.

И кто-то пустил в небо большой надувной шар с роскошным вензелем по крупу:

**«СВИНЬИ ГОЛОСУЮТ ЗА СВИНЕЙ!
ТЫ – НЕ ЛИШНИЙ!»**

И подумалось головой: «Ну что, потрянём стариной? Тряхнём! Забросим на полку „Сто лет одиночества“, „Ловца во ржи“, „Бравого Солдата Швейка“, „Замок“ и „Приключения Гелькберри Финна». Нечего нам прыгать, как обезьянам, пытаюсь достичь высот гениев человечества. Где взять прототипов великих характеров прошлого? Всё так измельчало кругом! И само собой, измельчал и потух ваш покорный слуга – записной писака-автор.

Он давно уже не знает, в каком времени, в каком месте живёт, окружение его изменилось, как ландшафт дикой степи, застроенной сараями и затоптанной автомобилями.

Он, всегда предназначенный судьбой и историей к позе гуру, оказался в положении странного служаки печатного станка и господствующих кланов.

И если он, вооружившись остатками несусветной гордыни, начинает говорить то, что думает, не окажется ли он белой вороной, каркающей рассвет на закате?

Человек должен устраиваться в жизни, приветствовать или соглашаться с неминуемым ходом событий, соглашаться с характером и устремлениями поколений, не задаваясь каверзными вопросами типа: «А правильно ли то, что происходит, и поколение ли это на самом деле, а не группа одиноких молекул в космосе?»

Человек просто обязан согласно вековому воспитанию и бытующим стереотипам, быть патриотом своей страны, даже если она обманывает его, его братьев, грабит его раз за разом всё более нагло и открыто, не имеет никаких законов или даже уничтожает всё дорогое и ценное для его клана. Даже это ограбление он должен в силу чего-то защищать с оружием в руках.

Так как грабили всегда и до последней копейки, то патриотов становится всё меньше.

Я не говорю о профессиональных патриотах – людях, за деньги готовых защищать всё, что угодно, офицерах и полицейских, бесконечной армии охранников, которые распространяют свой патриотизм на более узкую сферу применения и являющихся преданными патриотами складов, гипермаркетов и вагонов электричек. Я о них не хочу говорить вообще!

Автор в силу своей глупости в зрелом возрасте понял, что таким патриотом он не является.

Лучше поговорить о деньгах!

Валюта государства – это не Иисус Глистор, это гораздо серьезнее! Тут надо технически!

Золотой запас дыру не тянет!

Глава 3

Мегаполис Ворвилль

Нет, народ тут в основном хороший! Много патриотов, вообще хороших людей! Патриот Блефуску – странный тип, приветствующий будущие мучения для своих детей! Ибо он защищает странную общественную конфигурацию, в которой никогда нет даже намёка на природную гармонию и здравый смысл. И потому что он знает, что что-бы он ни сделал, его всё равно рано или поздно кинут!

Последнее время тут развелось патриотов, или вернее тех, кто прикидывается патриотами, так много, что пуль на них не хватит! Пруд пруди пратотов, как говорит дворник Миколаюша, который обретается в подвальной развалюхе с треногим доисторическим шкафом, грудой снивших простыней в углу и глухой собаки, имени которой он не знает сам. Его кильдим также служит ему и квартирой, потому что настоящею квартиру у него забрала бывшая жена.

Ответ будет дан такой нелюбезный, что все эти Ральфгочухерные гримельсгаузены исчезнут с лица земли в мановение ока. Ответ истории будет таким... Да хватит тебе! Тут одна история! Все знают! Я бы назвал её «Историей Блефусканского Беспредела». Видел, как столичные шавки по команде принялись травить Белобрысского президента? О-о! Картина, дотойная кисти Рафаэля Ван Греко! Или Рембрандта Эль Винчи. Вот это и есть беспредел, когда в людях нет даже понятия о чести и совести! Когда ради куска они готовы ребёнка задушить! Врать напропалую. Отнять честно заработанное за десятилетия труда и не опустить глаза перед взором ограбленного! Вот что такое беспредел! Таких людей я бы убивал сразу и навсегда, и думаю, буду убивать холодно, и их детей тоже! Эта низменная порода, заплонившая землю, и указывающая нам, как жить, будет нами сметена и приведена к повиновению. Рано или поздно будет! И опять – большинство в этой публике – знаю кто! Что это за народ, в котором столько погани? А? Что тут сказать! Терпи! Мы им ещё покажем, кто есть ху! И ху есть кто! Очень скоро покажем!

Так о чём же мечтает мой мозг? Ты слышал, как эти Фигнелендские шакалы на Белокуруию накнулись? О чём это я? А, вот! Слону дробина! Я всё время повторяюсь, когда мен какая-нибудь мысль мучит! Главное, чья бы мычала... Бездари гнусят на единственного ответственного политика – соседа! Не знаю, может быть они завидуют, а может, боятся сравнения с его успехами! Я был в Белокурии, в Белокурии, у которой никаких ресурсов, ничего нет, а порядка и вменяемости было в десять раз больше, чем здесь! Я видел это своими глазами! Если бы ты знал, как я научился ненавидеть и презирать место, где я живу и людей, с которыми живу! Куда бы от всего этого податься?

Как только дело лафа, это проклятое государство призывает людей тратить деньги на инвестиции в разных формах, покупать облигации, акции, страховки, делать сбережения и так далее. Но как только дело плохо, им нет дела до своих инвесторов, это теперь самая последняя группа населения. Плевать на них! А могут не только наплевать на них, но и обобрать всех подчистую! Они могут поднимать при этом зарплаты стукачам, фараонам, пожарникам, но их совсем не волнуют дела тех, кто своим кошельком содержал эту веселуху! Прикольное шоу!

Никому и в голову не придёт простая мысль, что если человек стал инвестором, он стал им ради того, чтобы получать прибыль! Само собой, если та фирма, куда он вложил, получила прибыль, часть этой прибыли, хотя бы половину они должны выделить на дивиденды! Тогда и акции будут что-то стоить, и инвесторы с голоду не умрут раньше наступления цар-

ствия божия на земле, всё будет хорошо! Удивительно, но ничего такого они не сделали! Это – люди? Люди со здравым смыслом не воюют! Здравый Смысл – это бог умных!

Блохи царя не боятся!

Я мечтаю о том великом времени, когда мой народ внезапно, чудесным образом прозрев, объединившись пониманием своей уникальности и своего великого унижения, наконец возьмёт власть в свои руки, изменит страшное государство Блефуску. И неожиданно даже для самого себя сбросит клопов со своей спины.

Он отринет чужие религиозные книги и капища и пойдёт к своим святым, забытым и заплёванным Языческим Богам, и после этого, обретя их силу и поддержку, расправив плечи и возродив национальную гордость, начёт путь физического и духовного обновления, путь национальной гордости и истинной веры, устремит взор к далёким мирам и невиданным технологиям. Он устремит взор к совершенствованию своего тела и духа! Он поймёт, что способен не только попрошайничать и сгибаться, но и вправе иметь лучшие в мире вещи и лучшее в мире, самое честное и лучшее образование, а также самое эффективное и чело-вечное государство во Всей Вселенной. Другого не дано, ибо никтоне где ещё не построил ничего без надёжных камней в фундаменте его новой государственности! Другого не дано, ибо если поворота не произойдёт, то народ неминуемо окончательно выродится и погибнет, освистываемый врагами и насмешниками всего мира! Это мы должны научиться их освистывать!

Это будет первая в истории моего народа государственность, основанная как национальная семья. Все другие делали нас служками государства. Всё будет начато с чистого листа! Это будет уже другой народ, осознающий себя не рабом преступной, жалкой, бесполезной формы государства, а хозяином мира и Природы.

И отбор людей будет иметь основанием не ловкость рук, не жалкие и преступные шашни худших, а талант, трудолюбие и честность лучших!

Он будет готов в делах своих идти до конца и слеза вражеского младенца не остановит его.

Да, я жалкий идеалист, ибо к тому, что мерещится мне в мареве веков, кажется, ничто не указывает, а всё идёт совсем в другом направлении! Некоторые ещё коммунизма ждут! А думаю, эту власть так и подмывает выдумать какое-нибудь отвлекалово типа коммунизма, чтобы все успокоились и потянулись к морковке! Хотя что я говорю? Попы! Попов забыл! Они со своим раем и заменяют! С загробным коммунизмом! А тут состояния для своей церкви сколачивают! Попов забыл!

Но моя книга будет не о них!

Моя книга будет про патриотов! Нет, не о тех патриотах, которые в электрическом отчаянии бросаются на амбразуры и готовы распластаться перед этим государством, а совсем о других! В двух словах, короче не расскажешь! Придётся начинать издалека. С той поры, когда я ещё в городе Ворвиле жил, и вёл там в основном праздный образ жизни.

То есть вставал в двенадцать часов дня, в два пополудни шёл на реку и ловил там телевизором рыбу, в основном плотву, в шесть возвращался домой, в восемь шёл играть в шахматы в парк, под бюст этого хориста Пятницкого. А потом – фьюить – домой!

Приятелей у меня в ту пору почти не было, все либо сдохли от алкоголизма и тоски, либо уехали за границу, либо не казали носа из дому, потому что их жёны не пускали, а на улицах было страшно.

Престарелый академик Аммофосов, собиравший железные банки около своего вуза, был не в счёт. Это была талантливая семья, и ещё его дедушка глубоко копал в науке! В 1937 году случилась беда – в столовой клуба офицеров пьяный дядя-пионер убил его сухим коржиком. На этом закончилась история ранней Блефускинской космонавтики.

И никуда не было деться от тяжёлых, тупых взглядов бедных людей, всё время шедших в разные стороны по проспекту. И мне стало так скучно, что хоть из окна бросайся. И я стал наблюдать за людьми, которые по-другому смотрят на этот мир, чем наши президент и премьер-министр.

Я знаю, как они смотрят на мир и мне такие глаза даром не нужны!

Я стал искать тех, кто ищет иных путей в жизни, и нашёл. Правда, в Ворвиле я никого не нашёл, а нашёл их здесь, в горах. Цену я заплатил за это страшную! И стал писать об этом книжку, она при всех своих недостатках лежит перед вами.

Глава 4

Лучший дятел Премьера

Итак!

«Как избежать вивисекции!»

Ну что это за название книги?

Или «Лучший дятел Премьера»?

Нет, это не наш путь!

«Крипслючения Белькегерри Фирра» – вот как я назвал бы эту мировую книгу! Вот как! Там конечное дело, парафразы из «Гелькберри Финна» были бы, но Марк Твен так всё замутил, что узнать Гелькберри в моём ублюдке было бы почти невозможно.

Или «Мука Лудищев»! Тоже прекрасная книга! О любви! Жаль, что её пока никто не написал! Арцыбашев мёртв, некому схватить перо, выпавшее в прайтайм из его великих клешней! Хотя, это был, кажется, не Арцыбашев, а Барков! Но я их обоих высоко ставлю! Хотя и боюсь! Вернее – ценю!

А, правда! Вот напишет какой-нибудь не в меру талантливый мудила книгу, и думает потом, что с ней ему делать? А что с ней делать, кроме как сжечь! Нечего с ней делать! До того себя такими вопросами довёл, что ни спать, ни встать уже не может! И всё время как мать Спинозу или тёща Канта спрашивает себя, а что мне делать с такой книгой!? Что?

Я ему сразу скажу – сжечь! Это наиболее полное и радикальное решение! На поверхности, среди провозвестников метода оказывается Николай Васильевич Гоголь, но Гоголь – только вершина айсберга! Под ним оказываются тысячи героев, сжегших свои перлы тихо и не удосужившиеся сказать об этом миру! Скромные, незаметные труженики топки и пера!

Да, бывает по разному, автор порой упорен, как бойцовый осёл! Собирает эти поганые пожелтевшие бумажки, корпит над ними, как осёл, и думает, что кому-то в голову после его смерти придёт перечитывать, что там думала Марья Ивана вкупе с Петром Петровичем! Иногда он так уверен в собственной генаальности, что не подойдёт к печке и за тысячу долларов. Нет, за пять тысяч он конечно был бы попокладистее, да кто ж ему даст-то? Это ж... деньги! Он поэтому может не поверить, что ему серьёзно предлагают, а издеваются над ним и отказаться с матом и пинчарами! Да ещё набросится с упрёками и поношеньями, как, мол, типа, вы посмели подойти ко мне, то есть к нему с такимистрёмными предложениями? Задранные фалды, огонь в очах! Фр-rrrrrr! Уф! Он думает, что её, эту мерзкую книжицу нужно срочно издать, желательно на казённые деньжата, гигантским тиражом сто тысяч экзэмов, матьём и каканьем протолкнуть в торговлю, раскидать всех этих Пушкиных-Гоголей толстой задницею, давая ход новому слову, тютюшкать её, баюкать до умопомрачения, и проталкивать её в дурные головы читателей, искать на неё критиканов и литературоведов!... А я думаю я думаю – главное – её нужно срочно сжечь!

Вот никто не убедил меня пока что, что этот шедевр не следует сжечь, никто!

Всем – равнение на Гоголя! Ну, конечно, кто-то скажет, а не совершить ли подвиг книгосожжения самому автору, почему он сам не показывает примера?

– Ах, читатель, сжог, жог, сколько я книг жог, Платону не снилось! Спинозе не привиделось, Гоголю не представлялось, сколько я своих и чужих книг спалил! Воз и маленькую тележку! Вот сколько! Так что совесть моя чиста, как стручок гороха! Или перца!

Я вообще думаю, что настают самые лучшие годы для мирового творчества! Вот такие времена! Посудите сами! Никогда такого не было! Никто никого не запрещает, и даже

в самых амбициозных снах, кроме китайцев и корейцев не может себе представить, кто что-то вообще возможно запретить! Пиши – не хочу! Всё можно сделать доступным людям, пожалуйста – вот платные ресурсы, вот бесплатные, такие-сякие, народ в конце концов не так уж глуп, чтобы в конце концов не найти то, что ему нужно! Естественно разные банды будут ему в кормушку подпихивать то, что им нужно, ну, Мандельштамов этих, Высоцких, Бродских, да вовсе не резон, что все люди их выберут! В нашем народе и покруче таланты есть! В конце концов выберут лучшее! Может, они будут там, а может, и нет! А писаке или писателю нужно только вострить перо и тексты кропать лучшей и позабористой! Вот и всё!

Правда, я иногда задумываюсь, а кому теперь нужны мировые книги? Старички ещё иногда читают старые замусоленные временем книги, а молодые могут от силы прочесть пару фраз, а после их в сон тянет. Такой есть летаргический сон, говорят он очень полезен! Книга так и падает из их юных рук. Они в игры на компе дуются, во все эти долбанные стрелялки, бродилки и копилки! Плюс в них один – Зигнера можно не только убить, но и оживить снова! Кляповое сознание – это называется! Я уже давно не вижу в своём дворе ни одного хулигана, ни одного маленького хоккеиста с горящими от мороза щеками, ни одного футболиста, вся малышня у этих долбанных компов сидит и играет в стрелялки. Пройдёт два поколения, выйдет наконец такой во двор и все упадут на жопу – две спички-ножки, две спички-ручки и посредине тыква жёлтая – голова с маленьким конопатым носиком! Чего от них после ждать?

Никому не нужны люди, в голове у которых есть какое-то знание, моральные ценности! Императивы! Честность – это полный теперь отстой! (Не забыть отнести это старческое брюзжание в конец книги, чтобы сразу не отвратить читателей!)

Но я так не думаю!

Я вот о чём думаю! Если у человека в голове слова друг с другом не вяжутся, то человек ли это?

Вот, к примеру, сидит небезызвестный Фёдор Михалыч Достоевский на табуретке в кухне и слёзы льёт. Вчера он проиграл все гонорары в рулетку, настроение поганое, а тут ещё надо новый роман про какую-нибудь херь кропать, издатель давеча навещал, калошей по ушам стучали-с, есть от чего задуматься! Кофе кончилось, жена ругается в голос, лафа! И вот, чтобы отчитаться перед алчными издателями пишет он скрипучим пером первую фразу своего нового опуса:

«Вокруг крестьянина пышным роем шумели восторженные мухи!»

И думает, а вот ведь красиво! Жив ещё, курилка!

И задумывается, а кто такие эти крестьяне, откуда они, и почему мимо них в таком количестве летают мухи? И не изменить ли общую фабулу, сделав так, чтобы крестьян всё-таки было больше, чем мух?

И не находя ответа ни на один вопрос, пишет вторую фразу, совсем из другой оперы:

«Бедная женщина, его боевая подруга, так пахла, что лавочку, куда они зашли за укусом для Глиста, можно было закрывать сразу и навсегда».

И снова задумывается, красиво подперев рукой небритую щеку. И понимает, откуда эти мухи и пишет третью фразу:

«Густым тяжким роем мухи оседали на лице святого, и из последних гаснущих сил он пытался отмахнуться от них падающей налево головой».

А потом и следующую, в том же духе:

«Приход этой двойни делал жизнь феерической и наделял её высоким смыслом для всех остальных».

Написав эти несколько фраз, писатель откладывает стило и отправляется на прогулку, не забывая прокручивать написанное, отсеивая шлак и трепетно выбирая их сора золотые крупинки. Идиллия, да и только!

А потом писатель возвращается домой и снова садится к столу!

И вот сидит он над этими глупыми фразами, и думает, как ему выдумать переход от одной глупой фразы, к другой – глупейшей. И не находит ответа!

Знайте, перед вами настоящий писатель!

Я не очень боюсь тех, кто и сейчас иногда читает книжки! Тех, кто их совсем не читает, честному человеку следует бояться гораздо больше! Однако самые страшные те, кто читают только одну книгу. Вы поняли, на кого я намекаю!

Иногда одиочиты – жертвы воспитания, иногда заложники трагических событий. А может быть ещё чего-то!

Я вижу их каждый день, в основном это одинокие старики, выброшенные за борт жизни, обкраденные, обмишуленные, нагло лишённые попечения!

Сначала их лишили сбережений, потом смысла жизни, потом их начали лишать квартир и собственности! Осталось лишить их жизни!

Что и делается потихоньку!

Так что с одной стороны я их жалею, а с другой понимаю, что толстая мерзкая книжка на их столе – жалкая подмога для настоящего уцелевания!

Наш лозунг: «Пыхтилетка жлобства и воровства – в жизнь»!

Но люди продолжают читать, потому что по инерции думают, что в книжках есть ответ на вопросы.

Глава 5

Первые Хроники Блефуску

О, борзый Блефуску! Это и есть государство, в котором нам выпало счастье родиться и жить! Хотя я уже не помню, как оно называется, но я помню о том великом зле, которое оно нам нанесло! Долбанная глистианизированная государственность! Я не из тех, кто с чучелом Глиста за пазухой прощает такое! Придёт время, я вспомню об этом неизмеримом зле, и вместе с новыми товарищами первым в моей семье, раньше всегда защищавшей это отродье, подниму на всё это царство лицемерия и лжи руку!

А эти нищие? Кому они интересны? Они не поднимут руку на государство, доведшее их до такого, сил уже нет, воли, и поэтому такое государство их не боится, а следовательно, не уважает их!

Они портят мне настроение, вернее не они, а те, кто их поставил на грань выживания! Ибо угроза попасть в Зазеркалье Нищеты есть здесь у всякого! В Зазеркалье мы все как игральные карты, и любой лёгкий ветерок способен снести их конструкцию в мановение ока!

Я выхожу из гипермаркета на воздух, обхожу нищенку у входа с левой стороны и смешиваюсь в толпе с другими неулыбчивыми людьми!

Шмакодявкина Пустынь.

Экие право хрестоматийные пидоры!

Да, чуть не забыл! Привезли посох Константина! Я издали видел залоснённые спины тех, кто хотел к этому чуду прикоснуться! Говорят – верное средство борьбы с бесплодием и импотенцией! Я не пробовал, но кое-что по этому поводу всё-таки скажу! Колдун-Вещун Фёдор Лукич Таёжный наконец обрёл себе достойных напраников иконкурентов!

Глава 6

Бездна в Бомжвилле

Воспоминанье иль предначертанье?
Доставшееся даром станет данью!
А выгрызенное трудом отменным —
Чужой добычей иль пожарной пеной!
Воспоминанье – слабость перед бурей.
В горланье псов, в далёком свисте фурий,
В полёте ведьм и в круге на поляне.
В дупле древес,
Где птицы и древяне
Нас нет, пока стальные стрелки
Не сдвинут жизнь к печению иль к пучине,
А остальные будут в клетке белки,
Раскусывать орехи и причины.

1.

Да, в старости он стал не Куманеччи!
Кому такое признавать охота?
Корсет костей обрушился на плечи,
Как шлем картонный на виски Кихота.
Усохший мозг, гораздый на ошибки,
Белка лишённый и лишённый смысла,
В размокшем ухе поселил три рыбки,
И вобла одинокая повисла.
Они впотьмах беседовали мило,
Порою жадно раскрывая пасти
Словами из асбеста и акрила,
Раскраивая черепа и кроя страсти.
Из обретений оставалась грыжа,
Два фонаря под глазом,
Чирей-ниже,
И перзиден какой-то на экране,
Толь под шафе, а то ли под тиарой,
Отчизны неземной радетель рьяный.
Что было сил, долбил на барабане!

2.

Он к старости стремился к обретеньям:
Соединился с мыслью, слился с тенью
И согласился с тем, что в прошлом было
Ему противно, как ослу кормила.
Уж в мавзолее был Великий Кормчий.
Святого на фронтоне били корчи,
Из красной пасти храма лилось пенье,
Иезуит внизу боялся порчи
И лишь грифон крутил столпотворенье.

Ослабевала воля, страх селился,
С вопросом древним «Кто ты?» и «Кому ты?»
На горизонте лёгкий дым клубился,
Сигнал о скором возвращенье смуты,
В нарощем шуме и прибывшем гаме
Детишки волокли бабло кусками,
Выкрамсывая с древним анекдотом,
Что скоплено истерикой и потом.
Исчезли смысл, намеренье и ясность,
С косой в накидке ковыляла Гласность,
Как всякий Штирлиц к Гамбургу и Берну,
Стремившаяся к хаосу столь мерно,
Спешу поверить, до того красиво!
При этом родину любя без пива.

3.

– Кому давать? – сказала грустно Рива
И вдаль ушла, влача платок в овраге.
В подъезде поселились бедолаги,
Удачно распrostившиеся с ванной,
Прихожей и гостиной богоданной.
Их добрый дух пахивал «Шанелью»,
Залив кончался заводью и мелью,
А рыбы робой и рабы не мыли
Губами в синий стойкий вход в бутылки.
Он иногда спускался к их настойке
И им сулил последнее с любовью.
Жакет жены или жилет от тройки,
Оставшейся от свадьбы как наследство,
Как говорят ракиты и равины
Отсюда путь в утраченное детство.
Здесь тайные вечера – не попойки!
Чужое благо – не свинина с кровью!
Прилепился отважный взгляд к матрасу...
И участковый с нищенской заплатой.
Акулий глаз и кобура на крупе
Мечтал о супе сыну и о супе
Себе... А как же быть солдату?

4.

Так был положен тяжкий взгляд на хазу.
В боярышнике очутившись средь флаконов,
Он не сдавался, поздний пук гормонов
Отважно говорил ему: «Опасность!»
Но надо же учесть напор и страстность,
Народного артиста и актёра,
А не слепого шептуна из хора.
Уверенность бывает самомнением.
Сирены отвлекали нежным пеньем
Упорного Улисса от Итаки,
Он стал хитом на миг в кровавой драке,

Где выбит мозг, и кто-то выпал, падох,
То в палисадник, то ли, блин, в осадок,
И вой сирен сменился соловьями.
Прекрасно жить с любимыми, друзьями,
Не зная их имён, фамилий, явок.
Что фараон египетский без справок?
Интеллигент без ссылки и отсидки?
Любой святой всегда висит на нитке!
5.

– Прорвёмся, братья! – он шептал бывало, —
Попытка-не быдло, рога не жвала!
Мы ж не клопы, а гомо, человеки!
Такое б говорить в иные веки!
Когда цензура и профорг с очками,
И рыбный лов сетями ночью в Каме.
Амбивалентный смысл растаял втуне,
Риэлтора на ступе звали Дуней.
Глаза – в глаза! Так говорят с врагами!
Увлёкшись вдохновенным разговором,
В котором были дали неземные,
Забытый мир, дотла набитый честью,
Пытался ртуть поймать печальным взором,
Но не поймал.
Уверенный в законе,
Как пред удавом, пребывал на месте!
Того не зная, рухнул в люк к мамоне,
В тоннель всё падал, падал, дна не чуя,
«Где ж мои ножки? Сапоги не жали!
Кругом летели крышки и пачули,
Партийные билеты и скрижали,
Чужие лица, ордена и пули
Орали, выли, бились и дрожали.
На вешалку улыбку вешал кролик,
Монах смеялся и дрожал до колик.
Из «Шмайсеров» менты стреляли.
Суки,
ОМОН и Хаммурапи рвались в Луки,
От «Мёртвой Головы» остались трое,
Кому изгой, а кому герои.
Вросли в ледник над хладным пулемётом,
Роняя кровь над охладелым взводом,
Так, полагая быть самой собою,
Пчела дрожит над опустелым сотом,
И дым кружил над обгорелым дотом.
Малыш! Не надо шуток над судьбою!
Прошенье в рай кончается отводом!
6.

Тут он икринкой вылез из белуги.
И к Троице, очнувшийся в колхозе,

В избе без света, в копоти и глине,
Он протрезвев, вскричал:
«Нет, лучше б в бозе!»
А по углам листы писанья гнили.
Замена равноценная – квартира
На развалюху из лиан Вьетнама,
Там где иконостас – большие дыры,
И вход без двери, а у входа – яма,
В которой, судя по виду, вчера ли
Или когда, отчёт утрачен из кармана,
(Доверится такому? Вот и здарсьте!)
Здесь вверенного богом высшей касте
Гордейшего пытали партизана?
Откуда эти тряпки на заборе,
Свинья с угла и куры на насесте,
Хорошие соседи – это много!
Но и такое, говоря по чести,
Подув на пльцы и помыслив строго —
Кусок говна на высшем Эвересте!
В трёх метрах пруд с навозом, там когда-то
То ль ферма, толь дракон с седлом и цепом,
И часть без цифры, где бичи-солдаты,
Делились анашою, точно хлебом.

7.

Россия пламенела на закате
Бутылки две на скомканной кровати
Надменно говорили об остатках
Его квартиры, и во рту так гадко,
Как будто жаба трахалась с тритоном
Во рву Кремля – паучьем гнездовище!
Вот так в России можно стать нищим!
Россия – караульщик ратных грошей,
И этих жил, намерений и почты,
Она как бы мечтает о хорошем,
Но держит в жилах кулака заточки.
Ей служат лица, впрочем чаще – рожи!
И слава богу – на замке граница!
Будь же на стрёме, гражданин хороший!
Здесь что угодно может приключиться!
Люблю ли, не люблю ли, вас поздравлю
С тем, что судьба готовит всем по благу.
Вот так метаморфозы внидут явью
Мгновенно образуя сцену в хату.
Задав вопрос, надменно и сердечно:
«Что это было Дао или Нечто?»,
Как уцелеть, не зная крыл защиты,
Не видя в горизонте дыр дороги,
Что говорить, когда все карты биты,
И лишь шуршат исчадия и боги?

Что вводит рой слепцов в картину Босха,
В шестнадцатый из комеди и воска?

Глава 7 Золотой Стеблец

Если бы муравей думал, какое бревно он катит в свою богадельню, у него бы зашёл ум за разум! Это счастье этих неразумных детей природы, что они чтят законы окружающего мира много больше самих себя. Я такой же по своей сути! Мне мешает иногда внутренняя честность, но изменяться я не намерен! Подлаживаться под этих козлов, которые хотят жить в европомойке, не буду! Пусть хоть обделаются в своих «Ягуарах»! Пусть хоть обосрут! Я им не компания!

«Мы ненакопленцы!»

Это кто сказал? Кто это такие?

Когда человек выпил, его сознание становится амбивалентным, но толерантность его магическим образом сильно притупляется. Если же напротив происходит внезапное просветление толерантности, тогда страдает, сильно притупляясь, амбивалентность. Этот феномен был замечен ещё в глубокой древности! Об этом говорил ещё в 15 веке Святой Франциск. Но если ты выпил так, что целиком притупляется амбивалентность и начинает оживать толерантность, то пройти в таком состоянии через несколько лестничных маршей сложнее, чем на слонах перемахнуть через Альпы.

Он в то время в последней фазе белуги был – накрыл пылесос мокрым платком и стал над ним рыдать! Как маленький жиголо! Птичку из клетки выкрикал: «Кис-кис-кис!» Мне его так жалко стало и так хотелось защитить, но я тоже был под подпиской!

– Под писккой?

– Почему тоже? Он, что ещё и под подпиской был? Не только под подшивкой, но и под подпиской?

– Под писккой?

– Типа того!

– Как страшно жить! Всё узнаётся слишком поздно! Ты и над тобой пиписка! Просто «Меланхолия» какая-то Ларса фон Триера!

– Слушайте, если что случится, не отдавайте меня ему!

– Прикинь... к носу!

– Только тем и занимаюсь, что прикидываю! Прикидываю, да подкидываю!

– Пальто не прожги!

Назавтра он подошёл и спросил, юморист: «Ну как там, под писккой, не давит?»

– Что? Так и будешь гонять лысого по чемодану?

– Раньше ты говорил – по шкафу!

– Лысого гоняют по паркету! – поправил всех некий городской житель.

– Лысого можно по чему угодно гонять, его не убудет! На то он и лысый! Проблема с волосатыми, когда их приходится по чему-либо гонять!

«Это всё равно, что скунса скрестить с обезьяной!

Женщина-вампир всегда готовая отсосать кровь, пот и слёзы!»

Я был такой пьяный, что выкинул модель из окна. Лариска – пиписка шмякнулась на землю, а потом убежала! Я выскочил на улицу, где Людмила, смотрю, Людмили уже и след простыл, а на том самом месте, где она только что шмякнулась, фитиль от газовой горелки лежит. Женщины нема, а вместо неё фитиль! Мать честная! Ну, я обрадовался этому, потому что это хороший знак – вместо бабы найти какую-нибудь полезную вещь. Не черта себе – фитиль от газовой горелки! И никому не нужен! Я взял фитиль, такая вещь всегда может пригодиться! Не сразу, конечно, но лет через двадцать, когда этот сгорит – пригодится!

Потом домой вернулся, включил телевизор, а там краснодонцы в разных позах по экрану ползают и агрессоров перед смертью с пеной у рта обличают. Б..! ... какая! Не знаю, чем у них там обличения эти кончились и до чего они там дошли! Мне скучно всё это стало до чёртиков ещё до рождения глистова! Оказалось, что в этот день у них был парад, посвящённый другому параду, который сто лет назад был! А тот парад был посвящён ещё одному параду, который тоже двести лет назад был и был посвящён какой-то несусветной..ри! Но всё это было задумано для того, чтобы продать много пива и пластмассовых стаканчиков. Я их штуки насквозь вижу! Они, молодцы, одели всю галёрку, которая топала ногами на поле, в роскошные шаровары и ползунки. И старую – престарую технику пустили, и откуда они её откопали только! Зрелище было потешное, по крайней мере, для меня!

В тот день они превзошли себя – растянули над самым высоким зданием рекламный не то лозунг, не то плакат:

«ОСТАНОВИМ ПОНОС ВМЕСТЕ!

«БЫСТРОБЗДЫН» в капсулах – вместе к гармонии»

В мою пьяную голову откуда-то попала мысль: «А вот ведь мужчины и женщины, когда держатся друг друга, то вовсе не от счастья, а потому, что в ином случае могло быть и хуже!»

Пришла – и улетела!

Ну, я и заснул.

– Труп в Бетоне! – сказал голос из тьмы, – Намба сыкс! Вот вы какой, добрый апостол Павликов! Вот вы какой!

Это пришли ангелы. Или прилетели! Они приходят всегда, когда я выпью. И не люблю их, потому что они сразу начинают давить на психику. Мол, молодой человек, что же вы, ик, делаете?

Я их не ин... нет, не так! Я их не индефе... Ин фи... ди... Ри... нет не так! Я их не индифиреци...рую! Ближе!

– Где он был?

– Не знаю!

– Может в Бостоне? – участливо наклонился к левому уху правый ангел.

– И там и там!

– Тебе виднее! – сказал в правое ухо левый.

– Я так не говорил!

– Тебе виднее, говорю!

– Везде полно психов!

– Чем мы лучше?

– Даже здесь?

– Даже здесь!

– Здесь меньше, чем везде!

– Согласен! Но всё равно много! Много больше, чем там!

– Не так много!

– Каждый первый! Ткни – наткнёшься!

– Ты что-то скрываешь от меня!

– Ничего я не вскрываю!

– Скрываешь!

– Ни в жизнь!

– Фигу в мешке не утаишь! Те, кто что-то скрывал от меня, все на дне морском морскую капусту растят!

А теперь почти невозможное – найти ключ в кармане, вынуть его и засунуть в скважину!

А дома уже кто-то есть! А, дедушка Ленин! Опять!

Глава 8

Как важно быть серьёзным!

Остров Агония. Он вывалился из всполошного горизонта и нарастал так, как растёт неведомая суша в сумасшедшем триллере. Корявые башни, бетонные звёзды и серпы разных мастей, почти полное безлюдье и отсутствие запаха настораживало и предлагало всегда быть начеку.

Да-с! Приплыли!

Кто его знает, почему то или иное происходит именно таким образом, как происходит, а не каким-то другим! Наверно, это называется предрешённостью. Или судьбой! У меня раньше были кое-какие сомнения по этому поводу. События последнего лета развеяли эти сомнения.

В шесть часов опять пришёл совершенно пьяный друг детства якобы за общением. Он приходит всегда пьяный вдупель, в сером костюме и без галстука, с жалобой, что потерял галстук, с маху садится на диван и начинает неистово долбить гитару. Игра его, надо признать, столь омерзительно безвкусна, что долго терпеть такое исполнение может только очень кроткий человек, например Иисус Глистос.

– Солдат! Почему нет работы над собой, поисков собственного я?

Но тот только мычал пьяным ртом.

В минуты пьянства он был близок к нирване, как никто. Однажды он был так пьян, что чая устойчивости, схватился за газовую трубу и вырвал её с корнем, поставив дом на грань выживания.

Выпроводить его мне долго не хватало смелости. И всякий раз ему удавалось допить принесённую в кармане пиджака бутылку, совершенно раскваситься и уползть уже на четвереньках. Но на сей раз я открыл дверь и приказал ему идти домой.

Он был ошеломлён моим наглым отлупом.

– Я сюда пришёл искусством заниматься, а не бороться с одиночеством! – обиженно трезвым сырым голосом сказал он.

– Иди! Иди! У меня от тебя голова болит! – сообщил ему я.

Опешив, он отступил на шаг и стал спускаться по слестнице, врубаясь головой во все стены. Горе и алкоголь – две субстанции, превращающие человека в ничто или возносящие в небеса превыше ангелов.

Соединённые вместе они становятся сильнейшим оружием дьявола.

«Это рабы! – думал я, – Рабы знают, что никто не будет их благодарить! Рабов не благодарят! Они – рабы! Ты ничего не сделаешь! Рабу страшно стать свободным! На это нужны века! Освободи раба, он озлобится и убьёт хозяина! Раб должен быть рабом! В его покорности – его спасение!»

Меж тем двор, минуту назад бывший совершенно пустым, наполнился какой-то нечистью.

Крылатые твари раскрывали клювы, ползучие и вьющиеся копошились внизу, а на подоконниках выпендривались летучие мыши.

Что там за шум во дворе?

Разве можно называть человека психом недорезанным?

Опять они вступились за кошек. Наверно он кошку головой протаранил! Божественное создание! Самое дорогое, что осталось у них в жизни! Разве можно так кричать полоумной женщине? Нет, то – не женщины! Это бабуины какие-то! Надо держать в узде свои

эмоции, даже, если вокруг такое! Я и держу, хоть много кругом такого препротивного, что на всё это хочется блевануть как следует!

Но это ведь неясно как будет воспринято здешней интеллигенцией!

Вы не поняли, что я сказал! Я сказал ин-тел-ли-ген-цией!

Что-что? Вот так всегда!

Как у сучки течка, так Галилей виноват!

Это что такое? Что там за крики и вонь?

Это из двора несётся брань, там беседуют кошководы и собашники!

Их объединяет идея бегства из психиатрической клиники с последующим открытием приюта для слабослышащих псов.

Одно время, увлечённые кармическим спасением четвероногих тварей, они открыли контору

«Вязка Кошек и Собак!

С 10—30 до 17—00 в кв. 10»

Блестящие перспективы четвероногой любви подтверждала реклама, прикреплённая сбоку к основному плакату:

«Гарантированный эффект

Поразительно

эффективной случки!»

Польза – через КАЙФ!»

И от былой жизни, кажется, не осталось даже искры!

Я с раннего детства знал, что мне предстоит написать великие книги, сочинить великие музыкальные опусы или сделать что-то феноменальное в других областях.

Думаю, совершить самую великую в мире революцию и избавить мир от отвратительной пагубы глистианства было бы настоящей целью, достойной удела человека.

Я входил в этот мир с римским приветствием маленькой детской руки. И всё было хорошо в нём!

У меня друг был. Так получилось, что наши судьбы были схожи: меня зовут Ади, а его Фрич, но уж тут ничего не попишешь – так судьба распорядилась! Вы нас легко отличите – он дурак, и в Глиста верит! Обсмеёшься! Но все тут меня Ади зовут, потому что я не могу без немецкой истории и дизайна, а главным дизайнером всех времён и народов был Главный Ади. Некоторых корёжит от Ади, а я к нему нормально отношусь, и думаю, таких как я становится всё больше! Не все же зомбированные козлы, на некоторых уже не действует сионистская промывка мозгов!

Глава 9

Ветшающая перспектива

В то время, как деятели злачного бомонда Блефуску грелись в лучах изменчивой славы, внизу, в демократической дикой глубинке вызревали скрытые конфликты, готовые перерасти в открытое классовое противостояние!

Древний боец батькивщины Иван Элефант с нами! Он наконец с нами! Они схватились! Лёд и пламень, дзот и камень, толстый и тонкий, схоласт и немой, язычник и святоша! Мартин и Лютер Кинг! Кинг и Иисус Куклуксклановец!

Полярный путешественник Герман Текило начал покорение льдов с попойки, приведшей его в ДОПР.

Архиерей Тулюсинов был личностью архи-интереснейшей. Весь город гордился им потому, что он был чемпионом мира по собиранию опят. Сохранилось фото мастеской Бахронь&Заяц, где Иван Тулюсинов во всей красе позирует под шляпкой огромного, найденного им в Чулимском Кордоне гриба. В дальнейшем чудо гриб был канонизирован, помещён в Раппальский монастырь, где крестил благочестивую братву под громкие завывания муэдзина Тиши.

Я иногда почти газетным языком говорю, но это специально, так я над этой властью долбанной прикалываюсь! Вы, когда у меня такое слышите, прикидывайте... к носу, и вспоминайте, с кем имеете дело – с великим насмешником и пройдохой! И то, что я приколоться готов над чем угодно, даже над самыми рассвятыми святынями. Ибо, по моему мнению, они часто и не так уж святы.

Падающие самолёты, тонущие корабли, ликующие дебилы в баре и мажорные самовзрывающиеся поезда создавали незабываемую аллюзию жизни. Канализационные люки, вышки и радиомачты таили теперь такую высокую опасность, что ходокам, исправно шагающим в Хремель за подобием правды, следовало обходить их за милю. Всё в родине состарилось и обветшало, а люди походили на дебилов, от усталости уже почти не читивших святынь. Осени сменяли зимы, зимы обращались в вёсны, а обещаного сча не наступало, а напротив, всё шло к ушлой каверне.

Продукты тоже стали странными. Молоко, несмотря на ожидания матерей и младенцев, не скисало веками. Ибо в молоке молока не было! Макароны пахли селёдкой, а селёдка – нефтью!

Нефти, правда, было много, но в основном не моей!

И моё настроение всё равно было кисло-сладким.

Его даже не могла развеселить новая растяжка на стыке улиц Молодогвардейцев и Маюшкина.

«Тонус» или Понос?

Выбирай!»

То ли оттого, что всё было известно, и никаких изменений, кроме как к худшему не предвиделось, то ли ещё почему. Я не такой, чтобы «Титаник» отправлялся на дно, а я быплясал наверху под звуки оркестра. Это не для меня!

В Блефуску любой честный руководитель должен заниматься только одним святым делом – уничтожать и пресекать рождение и развитие любых кланов, любых долгосрочных связей между людишками, ибо когда кланы появляются, они всегда ставят на первое место низменную выгоду, презирая любые формы идеализма.

Нынешние хозяева жизни, получившие наконец-то возможность покупать дорогие импортные носки и галстуки, потом по логике должны завести яхты и собак. Уж лучше бы

эти завели себе Внутренний Долг! Кретины! Им же самим было бы спокойнее воровать, падлам! А то ни одного полноценного института в их государстве нет! Ничего не опаскуженного ими же самими нет! Показуха одна подлая и воровство! Твари!

Живя в Блефусской Джамахерии, приличный человек не знает, где его настигнет вор, в банке, на даче ночью или у себя в постели! Нигде среднему человеку нет никакой защиты от мелкого, среднего и крупного криминала. В Блефуску уже не живут нормальные люди, они уезжают отсюда, понимая безнадёжность такой жизни, какая здесь творится!

Что люди? Они вам простят всё, что угодно – болезнь, бедность, каргу-жену, даже будут радоваться тому, как вы неуклонно преодолеваете всё возрастающие трудности, но они никогда не простят вам ни малейшего успеха, ни крепкого здоровья, ни богатства и постараются всё это разрушить!

«Они проявляют то, что государство считает добродетелью в тайной надежде на воздаяние. Это крючок, благодаря которому государство грабит большинство. Другим побудителем к активности у него служит плётка, разная в разные времена!»

Как быстро закончился день!

Глава 10

Мужик с мешком

Когда я заходил на рынок, а делал я это довольно часто, всегда предо мной егосил потный, маленький мужичонка с грязным мешком на спине. Всегда он бежал впереди со своим латаным-перелатаным мешком, как заведённый, как будто подосланный ГПУ для внимания положению дел. Он тревожно оглядывался, хватал рукой за пустой мешок, как будто там лежали бочковые бриллианты, снимал его, долго и пристально вглядывался в тьму, а потом бросался назад, словно забыл на паперти половину бриллиантов. Запах от него был под стать запаху от иных организаций и в описаниях не нуждался. Похож на церковный, но с более тонкой и явно выраженной нотой мочи. Да, трагическая нота мочи в его запахе превалировала! Типок что надо! Я бы таких на Запад кучами с парашютами засылал, чтобы западные шпионы и принцессы сдыхали там от их вида испарений! Даешь мировую революцию!

Бранглийской королеве не мешало бы с таким познакомиться поближе!

Так как при всех шальных изменениях траектории, он постоянно оказывался на моём пути, он раздражал меня.

«Там, где царят случайные ничтожества, подброшенные на свои места прихотьё судьбы, там нет ни великих идей, ни великих обретений!»

Но всё-таки лицезрение этого типа развлекало меня. Я задавался вопросом, откуда появляются такие типы и куда они потом пропадают?

Я задумывался над вопросом, в какой мере появление такого социального типа естественно в нынешних условиях, или это чистая случайность, причуда социума?

Тут надо бы отвлечься, чтобы рассказать кой-какую историю.

Это был знаменитый век, в который сначала звизгнулась правящая династия, и в которой знатный большевик Иван Сестрёнкин объезжал чудовищную трофейную лошадь, доставшуюся ему после гибели хваброго белого венерала Тырина, столь много сделавшего для неблагодарного болгарского народа.

Добрый Сестрёнкин арестовал Тырина на острове Хлебном, и съел его от бескормицы и тоски.

Большевик Иван Сестрёнкин белых не любил, потому как белые затемняли новые возможности для надёжного продвижения в жизни простых рабочих людей, оттеняли таланты рабочих и глистян, а потому были повсеместно подлыми реакционерами и полным отпадным гипер-фуфлом! Они отжили свой социальный век и он, Сестрёнкин должен был, обязан был проводить их всех на верное историческое кладбище. Всех этих прохвессоров, аристократов, дворян! Всю эту талмудическую шушеру!

И вправду, когда он их проводил на кладбище, воздух и вправду надолго очистился и посвежел. Но потом, когда появилась новая красная прохвессура, а вместе с ней и красные дьяволята и дворяне, воздух снова неотвратимо провонял!

Особенным снобизмом блистал атаман Свирский, одноглазый гигант, наводивший ужас на северо-восток Блефуску, области, населённой мирными панажухеями и криспами, двумя народами, никогда не работавшими и только отменно любившими бильярд и шумную королевскую секу.

Ввиду опасности их главного занятия и гордого нрава, большинство из них были одноглазыми.

Атамана Свирского надо было во что бы то ни стало извести!

Посланные пионерские засады кроме плачущих зашупанных пионерок ни к чему не привели, и от децких крестовых походов тоже пришлось перейти к настоящим.

Послали вагонетки с пьяными агитаторами, но Свирский только и делал, что ставил их к стене богадельни и расстреливал.

Тогда Сестрѐнкин переоделся каликом и поехал сам.

Только так Свирский исчез, где-то закопав кодмизара Левина и половину золотого запаса Блефуску.

Сестрѐнкин же с исчезновением врага оперился немного и надел на волосатое матросское голое тело цвета децкой негаданности китовую рубаху.

– На! – неласково сказала власть, тяжело расставаясь с подарком.

– Хвать! – только и смог сказать он, прижимая валенки к узкой груди. Или рубаху уж, не помню точно! А может, и то, и то!

В двадцатые годы с приходом шепелявого стиля в гору продвинулись «Гунькин Штраус и Быстрые Ластоногие Марсы», бежавшие как все джазмены из Кармании через Польшу и Китай. Название у группы было что надо! Первый сорт! Парадоксом было то, что почва, ушедшая из-под ног в Кармании, здесь под ноги не вернулась, или, лучше сказать, её попросту никогда не было!

Револьвер пришлось отложить, а потом и сдать рачительной власти.

Потом пошли годы полные аплодисфаронов и цветов. Он стал импресарио артистов и одновременно раз в неделю писал на них доносы в секретные органы.

А его жена порождала всё новых сыновей!

Потом была война, в которой он ведал выпуском деревянного мыла, и дохимичился с составами до того, что его самого чуть не расстреляли за саботаж и подделкуфальшивого мыла. Помогли Лемцы, разбомбившие тюрьму и убившие всех охранников. Большевик Сестрѐнкин ударами ягодиц выбрался из-под обломков, и сжимая под мышкой два куска деревянного мыла и обгорелую справку полкового госпиталя, рванул в неизвестном направлении, уворачиваясь от бесконечных мин и снарядов.

Господь закрывал его плоть дивными дланями!

Конец войны застал его в рыболовецкой бригаде «Штурм».

Сын славного большевика Петя Сестрѐнкин отучился в Нуске в военном училище имени Куры, и в должности адъютант-венерала владел полигоном, на котором стояла единственная уцелевшая чудовищная немецкая пушка, которая в отличие от большесинства отечественных, до сих пор ловко стреляла в бога, душу и мать, что раз в год, подле Великих Победных Каникул, возобновлялось, вызывая вздох повсеместного великого уважения из уст партийных конференций, крутившихся на случай фотографии подглянцевым цевьём грандиозной пушки.

Здесь фотографировались все звёзды столичного бомонда, и даже стоял знаменитый виолончелист Растропович со смычком и каской.

Век закончился, пушку тайно продали в Швецию на металлолом, но там где раньше был полигон, теперь кроме гипермаркета «Астара» стояла новенькая почти трофейная «Мазда-Горгона» Сестрѐнкиного нучека, Сеньки, гения порно-бизнеса, сутенёрства и ловкого игорного предпринимателя.

Идут же некоторые по жизни! Залюбуешься!

Он не дал в обиду нравы династии!

Как-то ловко вышло, что никто из Сестрѐнкиных никогда в тюрьме не сидел, и это было так странно, что их втайне стали сторониться, как заговорѐнных. Даже во времена Иосифа Кровавого, когда казалось, не было семьи, чья жизнь не была бы испорчена, старшим Сестрѐнкин каким-то чудом избег потрав и просочился сквозь большевистские рогатки и силки.

И тут, когда казалось, всё наладилось, произошло в жизни Сестрѐнкина какая-то несусветная шлажа. То ли доверился кому, то ли на женщине погорел, то ли ещё что, да только вдруг потерял он всё, и даже машину и квартиру отдал, чтобы воротить долги, а сам сначала

поселился в подвальчике на окраине города, где ему пробрили голову, потому что он никогда не запирает своё новое бунгало, и с тех пор он жил в лесу на окраине и бегал передо мной по рынку со своим мешком, сын славных родителей!

Поняли к чему я тут притчую?

Так проходили колы времени в Божественном Блефуску.

Знаменитый политсоветник пердиздента Давида Ёжикова Шайз Гомнов пребывал в эйфории.

Он проехал, как ему казалось, победным маршем по Блефуску и хотя случайно на новой потрясающей машине лучшего автомобильного завода, который только что стал шевелиться, чуть не задавил команду футболистов, вышедшую встречать его на шоссе с мячами и шильдиками в руках, пробовал манную кашу в семи дюжинах децкких садов, которые ему вменили посетить, в забытьи ловил раков в Туве.

Хорошего в его путешествии было много больше, чем скверного.

Образцовый семьянин, нечего сказать!

Однако подвиги, совершённые им в области культуры, были не столь велики, как при дегустации каш. Дегустация каш, дурацкий смех и всякая лажа выходила у него гораздо лучше вещей серьёзных! Собственно говоря, никакой культуры вокруг не было, и денег на неё он поклялся не тратить вовсе.

В большом Благословенногорске он увидел изваяние целующихся Станиславского и Немировича-Данченко. Поцеловались они враспашку и надолго, что было отлито скульптором Топорым в пристойные бронзовые формы.

«Отчего они так похожи на ящерич?» – спросил пердизден сам себя, удивлённый своему незаконному счастью.

На самом деле скульптура изображала Станиславского, отчитывающего провинившегося Немировича. Вид у Немировича был при этом как у растеряйки Кочкина во время битвы при Альбукире. Что-то из «Незнайки на Луне»! Станиславский, хоть и никогда не был в нашем городе и даже в самых страшных снах того не желал, полюбился местной администрации, и увековечивался раз за разом, выползая то в виде названия железнодорожного тупика, то в виде аляповатого изваяния в скверике Работников Трампарка, то в виде сайта своего имени.

Придёт время, я всех этих медных Мандельштамов и Высоцких переплавлю и вылью из них хорошенькую кошечку в городской фонтан!

Всё было хорошо! Нехорошим почему-то было общее состояние Блефуску. Бомжей, которые заселили все неудобья в Блефуску, ему не показывали, обходя районы их обитания стороной. Пердизден считался личностью образованной, тонкой, склонной к рефлексии, а потому волновать его картинами беспорядка и разложения считалось дурным тоном. Он радовался как ребёнок новой гальке вдоль дорог, появившихся вдруг по пути его следования, новым своим огромнейшим портретам при въезде в город, огромным жесладким калачам и пряникам, которые ему дарили бабы на мельницах и фермах, где все шлялись в ангельски-белых нарядах. Радовался новинкам техники, особенно когда они появлялись у него. Радоваться было чему. Статистическая служба Блефуску в последнем докладе указала, сколь сильно вырос уровень жизни в его государстве – уже более половины граждан заимели пластмассовые мусорные вёдра и туалетные совки для грязи. Советники, не смея поверить в такую удачу, только счастливо развели руками, успех был ошеломляющ! Советник Каплица даже подбежал к доктору Пердиздену при этой вести и долго жал вялую руку.

– Ваше Величество! – сказал он, – Это умоет морды нашим недоброжелателям во всём мире!

– Блефуску будет самым великим государством в мире! – сказал он, чуть приподнимаясь на носки, чтобы дотянуться до плеча ветвистого советника.

Такая же рука была у Кир Мир Сена, этого незабываемого мишки на проводе!

– Что ты можешь сказать о своём государстве?

– А зачем тебе?

– Да так, хочу стрелки сверить с единомышленником!

– Безжалостная Византийская джамахерия! Устроит?

– А о своём народе?

– Рабы, изредка поднимающие восстание!

– А обо всём?

– Блефуску есть Блефуску! С волками жить овцами выть!

Армерика – этот ядерный фурункул демократии не нападала на Кир Мир Сена, как не нападала только на тех, кто мог в ответ шмякнуть по носу ядерной веточкой. На всех остальных она клала руку или нападала. Если в стране была нефть, но не было ядерного оружия, участь страны была решена. Армерика не любила своих мёртвых сыновей, упакованных в звёздно-полосатые гробики.

Размышления мудрого советника о мировой политике были очень точны!

– Стало совершенно ясно, что Армериканский империализм принял курс на разгром всех национальных государств Ближнего Востока! В действие вводится политика контролируемого хаоса! Или хаотического контроля! При этом убивается два зайца – убираются с дороги враги Исруля, которые рано или поздно заимели бы ядерную бомбу, и рано или поздно применили бы её против этого неопикуемого государства, а с другой – нефть становится более доступной всем! Но есть вариант, что из этого хвалёного контролируемого хаоса вместо спокойного почивания на лаврах пред Америкой и Исрулем из грязи и крови, затеянной ими же самими, вдруг появится арабский Терминатор, Джин из Бутылки, Гомункулос, который потом покажет всем Великую Кузькину Мать!

Ему отвечивал с экрана телевизора президент Буш, чья славная риторика так нравилась моим согражданам:

– Я испытываю волнение, находясь здесь, в житнице Америки, поскольку это дает мне возможность напомнить нашим согражданам, что у нас в Америке есть одно преимущество – мы в состоянии сами себя прокормить. Перед нами огромные поля арахиса – золотого колоса Арканзаса... Вот как бы я начал своё интервью! К нам сейчас должна подойти госпожа Клифтон. Она сейчас в оранжерее Белого дома! Ворует арабские каштаны из огня!»

Советник был столь же учтив, сколь умён.

«Хочу ли я знать, что те, кого я ненавижу, живут на одной со мной планете?

Этот мир, который они устроили нам и почитают лучшим из времяпровождений, на самом деле не менее преступен чем те, войны, которые они вели! Их мир вытесняет из жизни нормальных людей и даёт простор и возможности ничтожествам и преступникам! Их мир жалок, ибо не ставит перед людьми достойных человека целей! И поэтому люди не уверены в будущем!»

Пришлось наградить его Орденом Малинового Варенья Первой Ступени, только что утверждённом им для высших государственных чинов. Хотя у того уже, кажется, был орден «Малахитовой Шкатулки»!

Потом правило странное существо, которое занималось абы чем – спасало ежей, ело кашу в детских садах и возрождало какие-то бейсбольные команды, не занимаясь действительно важными вопросами, плевал он на наши погибшие сбережения и другие вопросы государственной важности. Ими он вообще не занимался! Станный тип, которые хотел остаться в истории дегустацией подгорелой каши и флудом на каком-то сайте.

Президент был как бы это сказать, неудачлив, что ли!

Г. Президент! У меня для вас две новости одна хор другая – плохая Хорошая – исполняется двадцать лет моих украденных сбережений! Надо это отметить!

Вторая – плохая! Мой офицерский военный билет в унитазе! Лоуи, грейт-комаундир!
Я, наверно после всего плоховатый офицер, но какой это был президент – пусть изобразят братья Маркс!

Были неприятные случаи, в основном, когда он пробовал что-то сделать своими руками – включить прокатный стан, завести гиперсильный грузовик, стартовать подводную лодку. Тогда почему-то стан рушился прямо на головы присутствовавших на открытии, гиперсильный грузовик без тормозов начинал давить прохожих, а подводная лодка получала течь и мигом шла на дно. В конце концов, он сам попросил не допускать его к гиперсильным грузовикам и подводным лодкам и занялся гиперважными проектами – охотой и рыбалкой. Нашёл свою нишу! В конце концов, обустройством быта рыбаков тоже должен был кто-то заниматься! И почему бы этим человеком не быть президенту Блефуску? Премьер-министр, которых хапнул при этом все самые интересные полномочия, только радовался и ликовал при виде того, как президент обустроивает его отдых в речных плавнях, где он любил брать метровых сомов и ленивых лещей размером с руку. Смотрю, а наш премьер крестится, как заведённый, но глазки бегают по углам и видно, что думает он о своём! А не о боге! Я бы перекрестился, если б понял, что он о боге искренне! Вообще, посмотришь, как они для камеры крестятся – смех берёт, такая это комедия! И не думайте, что я один её заметил – все посмеиваются!

Их милые заигрывания с богом были, как бы это сказать поточнее... прикольно что ли, импозантно! Или есть ещё какие слова?

Но путешествие, или «променады по стране», как он это гордо называл, было хорошим. Осталась большая куча фотографий с куполами только что позлащённых церквушек, от которых везде уж и проходу не было, виды моря с торпедного катера «Голубой Тормоз» и многое другое, что описывать долго и нудно, ввиду того, что никто не побывавший на «Тормозе» не ощутит таких прекрасных мгновений..

А что думает о нём вон тот согнутый, как крючок человек в синем берете, который словно крадёт по улице, стремясь поскорее попасть домой:

«Перзиден? Какой он перзиден! У него был шанс стать настоящим перзиденом, если бы он был хорошо воспитан и знал, чем подлость отличается от справедливости! Тогда бы он придумал себе лучшее занятие, чем спасать рыбу в пруду и пробовать кашу в яслях – занялся бы, к примеру, внутренним долгом и ограбленными их подлым режимом лучшими поколениями страны! Мог бы в истории остаться, дурачок, как простой, честный парень, восстановитель поправленной справедливости, да оказался трус и глупец, очередной ничтожный человек у власти! Невыразительное существо! Человек-подстава! Чего он делал в качестве перзидена – никто не вспомнит! Слава богу, им не много ещё тут править! Устроили гнусную комедию, насмеяются на наших глазах над ими же выдуманной дрянной конституцией, смешно смотреть! Устроили сговор на наших глазах! Жалкое и противное зрелище! Ушлецы столичные! Думают, как в шапиту будут друг с другом меняться на глазах дурней! Сказку о голом короле тут затеяли! А мы приплясывать мол, должны и горазды! Из остатков государства насмешку сделали! Удады! А то, как услышат про ограбленных стариков, отворачиваются, ... бессоветные, морды воротят, и думают, что пронесёт, Провидение им не отомстит за наше потерянное добро и за наши муки неведомые миру, и не отрежет их дурные головы! Дудки! НЕ будет вам покоя ни в этом, ни в мном мире! Не будет! Снесёт! Скоро увидим! Я ещё засмеюсь вашей странной птице в грязи, и вашими многоцветными тряпками ноги обмотаю вместо портянок! Патриотики вы мои долбанные-предолбанные...»

Глава 11

Не пугайтесь чертей

Пока Чапай думал, двадцатый век ушёл.

А телевизор продолжал раскаляться.

Пришёл на короткое время один из бывших.

Бывший секретарь горкома был такой крученный и глупый, что иного счастья для такого города нельзя было даже и представить! И город стал ему под стать, крученный и глупый!

Военная Гогасина Парчуна Сикорского просуществовала недолго и канула в погромах и пожарах начала века, когда стало ясно, что тут или так или или всё. Остатки сгоревшей светелки долго мокли под солнцем, а потом были разобраны, когда стало ясно, что город будет, строится Дому Дружбы Народов, настало времечко для иных песен! И старые кирпичи были нужны тогда, как никогда! В новые бочки льём старое вино! Вот так! Живём! Колушматичи!

Губернатор, хоть и брал взятки и имел в своём активе несколько убийств и рейдерских налётов на чужое имущество, по своей сути был очень высоконравственным человеком. Весь город был оклеен выбросами его бессмертного творчества, социальной рекламой, способной вызвать слезу умиления у любой добродетельной женщины.

Его почему-то все называли Чехом. Говорят, его дед был чешским полицейским и звали его Збышек.

Чешский фараон и Коломбина к своим обязанностям относился с пиететом, и имел своё уникальное хобби – сперва занимался лозоплетением, а потом забросил к ...ё... лозоплетение, и ночами вместе с компанией буйных алкоголиков-тунеядцев бродил по канализационным коллекторам большого города, разыскивая там сокровища царя Соломона – диадему Юдифи, золотой клистир праматери Рахили и багряные свадебные трусы незабвенной доньи Сары, по сообщению Плиния якобы сделанные из чистого кастрюльного золота.

Где ж искать сокровища царя Соломона, как не в канализации? Я бы тоже там искал, если бы был таким козлом!

Следующего губернатора, которого никто так и не успел не то, что запомнить – увидеть, застрелила всевластная мафия и его похоронили на местном Новодевичьем погосте с величайшими почестями. На похоронах присутствовали все основные городские банды и особый посланник Ливийской народной джамахерии Уве Марч с паспортом на имя голландского негодяя Джона Брауна. На кладбище ничего хорошего о губернаторе сказано не было, что говорит о том, что он был всё-таки довольно приличным человеком. Тут никогда честные не достигали ничего!

– Честь забыта дома! – нудел усатый тип в шляпе, – Но он был лучшим из лучших сынов Блефуску! Мы будем помнить тебя вечно! Спи спокойно, брат!

Рядом захоранивали неизвестных из городской больницы и мешки летели в землю с грузовика с мягким шлепом.

Зрелище прекрасной Лисбет! Никогда мне на забыть такого!

Там где появлялось его государство, там самые естественные и чистые чувства вырождались и превращались в пародию, в дьявольскую шутку юмора, в свой антипод. Конторы, призванные на словах помогать немощным, взращивали орды дармоедов и взяточников, армия холила потоки ни на что не годной генеральской саранчи. Благо становилось злом, зло множилось и рыготало. Но народ терпел всю эту гадость, убеждённый в надёжной силе смирения.

Потом государством правила убежавшая в яркий августовский день из зоопарка огромная зелёная рептилия. Ей гордились, и её правление было милостивым и разумным, если сравнивать с безумным правлением беспалого Ёлкина или его маргинальных наследников-близнецов Дорожкина и Ёжикова.

Рассмотрим основные мысли, возникающие при появлении такого государства в голове нашего героя, незадолго до этого отлетавшего своими мыслями в глухие греческие империи, в Аид, можно сказать, а теперь упорно возвращающегося кругами ада на грешную землю. И не будем подвергать их никакой цензуре или селекции.

«Гражданин! Селянин! Кто теперь над тобой? Посмотри, какую ярость вызывает у них даже упоминание о возрождении национального государства! Они объявили такой образ мысли чуть ли не преступным, вводят драконовские законы против ослушников, фактически против основного народа! Обзывают лучших людей моей родины экстремистами и всякими другими словами! А кто они сами есть! Что это, как не завершающая стадия геноцида? Один геморрой, да и только! Что? Но мой народ, как бы он ни был глуп, всё равно не даст им победы! Всё их карманное счастье ненадолго! Если нам суждено уйти в мрак небытия, мы должны, обязаны уволочь в тьму смерти всё это государство со всеми его бандитскими шашнями! Должны! Наша Победа или Смерть Всему! Вот лозунг времени!

Это нам подходит, кому-то не понравится жить на территории, знаменитой своими молочными реками и кисельными берегами, но я уже привык! Главное понять, почему носки, брошенные в разных местах жилища, рано или поздно оказываются под холодильником?»

Он и сам толком не знал, почему все его носки рано или поздно оказываются под холодильником. Их можно было не искать. Когда он терял их в гостиной или в ванне, носки всё равно оказывались под холодильником.

«Это какой-то парадокс!» – думал он, – Ничего себе! Они забрали вековые сбережения моей семьи, а я буду у них офицером и защищать их! Пусть лучше на коленях перед нами возблагодарят господу, что я пока не поднял на них руку с оружием! Сволочи поганые! Их двуличная государственность ещё будет ползать по своей слизи, а мы будем топтать ихние головы! Пусть не обольщаются хорошими временами! Они уже кончаются! Скоро придут другие!

Речь шла о предначертанности что ли, предрешённости.

Хотя при малейшем рассмотрении предначертанность и предрешённость – совершенно разные вещи! Ну, совершенно!

Когда император назначает мобилизацию – тогда гони гусей, считай – всё пропало!

День гаснет!

Глава 12

Улица Бочкури

Вообще половина улиц нашего города носит фамилии каких-то инородцев! Такое впечатление, что историю родного города лепили только приезжие, а основное население бродило по задворкам, никому не нужное.

В нашем городе есть улица имени художника, который за что-то там пострадал во время войны, это его частное дело, честно говоря, страдать или не страдать, мне до этого нет дела, и его именем с полным братским на то основанием была названа маленькая кривая улица, являющаяся ответвлением такой же кривой улицы имени неизвестного революционера Пятницкого и застроенная совсем маленькими и бедными домишками. Только побольше!

Эти улицы сталкиваются у Кривого Моста, который из-за непрекращавшегося никогда воровства с великими потугами строили пятьдесят семь лет подряд двести одноруких королевских масонов.

Мост получился тоже хороший, горбатый и очень крепкий на вид.

А потом он рухнул в Пятидесятилетие новой Революции при проходе роты прапорщика Кащеева, пьяницы и многократного победителя конкурсов солдатской песни.

Никакой связи между революционером Пярницким и художником Бочкури, честно говоря, я не вижу! Хоть убейте! А ведь она есть, есть! Я вам говорю – есть!!!

Пярницкий был господин солидный и везде остаивал своё реноме и даже для этого при любом удобном случае в драку лез.

Однажды в компании он упёр у местного начальника МУРА кобарь с баксами, что тот после заметил с спросил:

– Где мой кобарь с баксами? – недружелюбно спросил полковник Рудаков, не понимая, что его, муробовца могут так нагло обнести.

– Может, ошибка, и ты не Рудаков, а Мудаков? – ответил ему Пярницкой.

Картин этого знаменитого Бочкури никто никогда не видел, да и то, слава богу! И так страшного в мире много! Тут художников всегда полным полно было, не... делать в такое г... наступить, как здешнее художество, а художества настоящего тут – кот наплакал! Фиолетовой краской многие умели малевать, не только один Бучкури! Нужно вам увидеть, сколько тут великих художников, идите прямым ходом на вернисаж, около детского театра, там они все ошиваются со своими коричневыми каравеллами, пятнистыми букетами и розовыми видами на замок Монт-Ориоль. Тут таких гениев всегда было пруд пруди! Или иди вон на Монмартр, там художники со своей мазнёй дежурят, тоже залюбуешься!

Потом была знаменитая Терпигоревская Разборка между богохульниками и хвалибогами, закончившаяся смертельными тычками головами и хуком Жабы-Предводителя.

Кто-то тут гениев выдвигает, сам мой народ так шепеляв и косен, что никого никогда выдвинуть не способен и не хочет! Приходится, как правило, местных гениев выдвигать Международному Сионистскому Конгрессу и местной Касторной Гогасине, получающей инвективы от роокйеллеровского Панч-Центра в лице маленького кривогорбогомумуравина Иси Машина, известного в городе тем, что он нем, слеп и глух с рождения. Поэтому в Гогасине всегда пристойно тихо, и люди люди говорят как бы сами с собойсами с собой, сами с собой вовсе не замечая замечательного мумуравина. А он выдвигает толико лишь либо Мандельштама, либо Пастернака, либо ещё какие овощи.

Такие же овощи, как и он сам!

«Анахну Марцепаним Фалосс! Шлойзе Тарут Фак!»

Тут вообще масса культурных ценностей, в основном тех, какие тайными тропами ввезла в город загадочная трофейная бригада полуковика Дуви Гроссберга. Архив Тарту, Каунасский музей сильно пополнили запасники нашего богатого хранилища. И слава богу!

Ещё в городе есть прикольная каланча, перестроенная позже в высотную телевизионную башню и фараонский околоток, в котором держат вечно мычащих граждан и вечно пьяных гражданок. Там они для водворения порядка ползают на корачках и поют разные песни, до которых очень охоч наш новый полицмейстер полковник Вазир Манкулович Ахмадияров, про которого старожилы говорят, что у него... с колокольню.

Правда многочисленные комиссии, являвшиеся для проверки в околоток, заявляли потом, что околоток Вазира Манкуловича – совершенно европейский околоток, и никакого унижения граждан и прихлебателей при нём совершенно не наблюдается!

Видеть такую гармонию в нашем городе вдвойне приятно, потому что из двух тысяч убийств и изнасилований, каждый год происходящих в нашем городе треть были раскрыта по свежим следам, а две трети признаны сфальсифицированными! Это большой успех! Серьёзная победа наших правоохранительных органов и в особенности Вазира Манкуловича Ахмадиярова в борьбе за правовое государство и Царство божие на земле!!

Не знаю, не является ли утверждение, что у него... с колокольню, преувеличением, или враждебной инсинуацией, да только жена у него уже третья, что косвенно подтверждает мудрые народные инсинуации!

Музей вообще не в счёт, потому что всё хорошее, что там было, там всё украдено при ревизиях бывшего директора, Карпа Силыча Обносина, слава богу, не помню его имени, который безвылазно управлял смокровишницей лет двадцать пять, при приближении последней пыльной ревизии долго паковал гробницы фараонов и французские будары в крепкий фалафельный крафт, а после, во время концерта группы «Юрайя Хип», вперые приехавшей в пьяном пенсионерском виде в наш город, когда ревизия плясала под куполом нашего Дворца Спорта, исчез вместе с гробницами и многим другим добром, как говорят – на Багамах. В тот день многие видели промелькнувший в ночном небе кипельночёрный дирижабль. Говорят, что на нём директор Музея вывозил народное достояние в свободную экономическую зону Гонконга. Правда, говорят, его видели на Панаме в белых брюках!

И в результате, в результате таких ревизий, из подлинников высокого искусства в Народном Музее осталась толико поломанная оловянная ложка небезызвестного венерала Сьюворова, может вспомните, того самого, который в Альпах до одури куролесил, спускаясь на жопе с высоких горных вершин, оставив в горах своё гордое сердце, и попутно эти пасквилы о военном делище сочинял, бери там и коли, гони на сусек и тому подобное, да поеденная молию наглазная повязка также небезызвестного венерала Куетузова, тоже как говорят, коренного спасителя жителей праздношатающейся Нуски.

К тому времени хремель превратился из помпезного народного заступника, как он это всегда декларировал, в жестокого народного гонителя, и всем стало ясно, что с ним вместе народу не жить.

Я туда теперь не хожу, пусть маленькие дети на такое посмотрят! Им полезно!

Так как я скромн, себя называть не стану, пусть это другие сделают в своё время.

А больше тут ничего нет!

Что-то не то наверно сказал! Я воспитывался в советском сумасшедшем доме – класс был элитный, а прививали нам под видом добродетели всякие засады – скромность, самоотречение, самоубийственную честность. Но элита, настоящая элита – это люди, имеющие в душе стержень, знающие, как и что. И готовые сражаться за то, во что они верят! Такими были римляне, такими были экзэсовцы! Я это уважаю сейчас, когда вижу, как много всякой сволочи кругом, и как всё измельчало. Верят в глиста, говорящую змею и непорочное зача-

тие! Живое прискорбие! Взрослые люди! И других пытаются научить врать! Они должны в уютной, миленькой психлечебнице сидеть, а не рассказывать нам древнеанурейские сказки под видом последних новосей мира!

Тут столько соискательниц непорочного зачатия, что глаза разбегаются! То пояс Девственницы привезут из Греции, то кости из Италии!

Пояс Святой Евпраксилы —
гарантированная Возможность

Забеременеть

ТРИЖДЫ!!!

Раз!

Два!

Три!

Не упusti свой шанс!

А вот и школа, из открытых окон которой доносится незабываемая лекция Клары Петровны Тюжковой, народной учительницы Блефуску:

«...вна ...А? Хэло, недоросли! Встать! Вы, дрянные тупицы, а не учинники лучшего в мире колледжа имени поэта Кольцова! Иностраннe языки они изучают! Идиоты! Ха! Я вас насквозь вижу! Моника Белучи и Стивен Кинг! А знаете ли вы, что Галина Уланова была лучшей в мире кинозвездой всех времён и народов! Утёсова никто из вас ни в дугу не знает! Долбать вас – не передолбать! Перевыдолбодовать! Вы тупицы долбанные! Факин кранк! Хотите все слинять на запад? В Нью-Йорк? Ж... у него треснет от вас! Ты, чуб, чего клоунишься? Хохотунчики напали? Смехуй! Тупицы! Скотины вы пляжные! Как вы не понимаете, кто вы! Никто! Пустые места! В какой школе вы учитесь! Знаете? А? Не слышу слов прекрасного привета? Ничего вы не знаете! Подлое фулиганье! Хулиганы и хулиганки! Что? Что? А какая пошлое в глазах! Такое фуфло! В лучшей школе Блефуску! Позор на вашу седую голову! Что? В какой? В такой! В школе имени Ушинского-Прим! Слышите? Слышите вы? В школе имени великого педарога, которому вы и в подмётки не годитесь! Молчать! Козлы такие! Я говорю! Какой век на дворе? Молчать! Молчать, я говорю! Какие вы ученики? Ну, какие? Посмотрите вы на себя! Зеркало купите в сэконд-хэнде! Во-во! Из вас только проститутки и грабители выйдут! Да погоди ты, вонючка, посмотри в свою пустую тетрадь! Голову наклони, надежда родины! Глаз хулиганский! Чего ты там увидел? А? Пустые страницы? Кляксы? Мат-перемат и сквернословие? Мат-перемат! Я вижу всё! Мне внятен галльский смысл и сумрачный татарский гений! Маркс о вас правильно сказал! Так ничего не делать можете только вы! Ты! Чего ничего не пишешь? Вы что, романсеро долбанное тут затеяли? Клоуны! Архары! Грёбанные слоны! Тупые животные! Что мне с вами делать? А? Что такое «немотствие»? Как вам втемяшить? Громилы будущие! Идиоты полные! Доколе вам? Вонючие морские свиньи! Молчать! Молчать, говорю! Рыжий! Рыжий! Что, Чубайса тебе мало? Открыть тетради! Суки! Писать! Писать, говорю! Голову вниз! Вниз! Скажу, что писать! Говно! Писать! Что молчите! В ваши годы Глистос уже табуретки из камыша делал! Что смеёшься? Скотина идиотская! Куда? Негритос ты страшный! Не улизнёшь! Сесть на парту! Стоять! Дети Гарлема! Я говорю! Стоять!

– Я белый!

– Это он белый? Он? Посмотрите на этого кремлёвского мечтателя! А скажи кто ему правду, описится и заплачет!

– Можно мне?

– Куда? Куда говорю???

– Можно мне выйти?

– Ах ты анчоус долбаный! Архар! Выйти? Иди вон! Прочь! До чего же ты дошёл! Посмотри на себя! Ну, посмотри на себя! Это тебе кажется, кот ты эдакий, верблюд ты двух-

горбый! Да ты посмотри на себя в зеркало, белый ты страус, тебе самому не смешно? Если ты белый, то тогда какого цвета г...? В каком году ты последний раз мыл морду, Микки Мосс? Шрип..дунчик! До новой эры? Вместе со страусами? Чемберлундеры фиговые! Я вам покажу! Истории вам не остановить! Ты? Бранглийский аристократ!? Гельцог Мальборо! Смешной пляшущий человечек! Кто тебе это сказал? А? Ученик! Что? Зачем ты снимаешь штаны? Чарлик? Не бойся! Мальчик! Я рукоприкладством не занимаюсь!

– Я писать хочу!

– Писать? Ты сказал писать? Ты задницей собираешься писать? Терпи, пасюк крысоклювый! Поддержи честь партизанского края! Зачем ты снимаешь штаны, суффражист? Голубой чулок! Во, чувак даёт! Живая картина! Долгая агония в дюнах! На кальсоны сначала заработай! Увидим! А то такие многие с кружкой на углу сидят! Гении! Псалмы жалобные поют! Что я могу?! Немало! Что?! В детский дом сошлю! Это к примеру! В дурку! Сукарол да Винчи! Художник! Он – художник? Художник от грязного слова «Ху»! Мазня и кисти! Доверь такому мазиле мадонну – всю испортит! Младенец со штепселем! Мать не пожалеет! До старости будешь грудь у мамки сосать? Как собака! Передвижник! Сюда внимание! Ученики! Товарищи! Маленький идиот! Прекрати бегать по классу без штанов! Коля! Не травмируй мою психику! Я хорошая девочка! Акстись! Коля! Коленька! Это тебе не партизанские марши сочинять! Тут думать надобно! Надень быстро штаны! Да, сначала валенкиними! Не снимаются! Когда ты их мыл? Шотландский камеди-клуб на колёсах! Надень штаны, подонок! Я вырву из ваших бездарных голов искру истинного вдохновения! Даже если мне придётся раскроить ваши головы! Клешни прочь! Подлый подонок! Упыри кровавые! Вам мало моего инфаркта? Крыса! Надень штанцы! В них всё равно никогда не будет ничего такого, чем бы ты мог гордиться! Мужчина! Мужчины так не растут! Я не вижу без микроскопа!

– Клара Петровна! Отпустите меня пописать!

– Мышь! Мышь! Что? Молчать! Ты понял, идиот? Что? Морж сухопутный! Молчать! А то я твой грешный язык вырву, празднословный ты пёс, лукавый ты лис, собака, уши на хвост натяну, змея, молчать! Класс! Класс! Это называется класс! Вы – рыбы, рыбы! Нет, это не класс! Это нечно непредставимое! Сообщество диких обезьян-иллюминатов! Откуда берутся такие экзэсовцы? Святого Зосиму вспоминайте! Вот откуда берутся экзэсовцы! Подъезд, отец – безответственный алкоголик, мать – проститутка! И пошло-поехало! Сборище подонков и сволочей! Ты! Злыдень! Ньюсру! Камеди Клуб областной психбольницы! К доске! Мать алкогголичка вскормила двух фригидных людоедов! Макса и Гручо! Макса под ж... клякса и Гручо под ж... куча! Группа опеки и киднепинга, ко мне! Быстрее! Маша! Ласковая моя! Сердечная благодарность! Ты! Где она? Куда спряталась та рыжая сучка? Не та! Эта сучка маленькая! Та большая! Где она? Достать её! Живопырка проклятая! Дедушка в приют отвёз? Я вам дам вольтить! Я вам покажу дедулю без штанов! Не Дедулю! Де-ду-лю! Пересмешник фалованный! Воткни шомпол в ухо! Бетховен! Бен Тховен в таких обносках не щеголял! Он одевался прилично! Вы все будете в приюте для умалишённых кретинов! Передовики психбольницы! Всем делать табуретки! Даша! Дашенька! Что? Что с тобой? Не пердеть! Не пердеть, суки! Я тоже так могу! Фртпруууу! Не пердеть! Товарищи! Соратники! Слушай мою команду! Раз! Иначе я за себя не отвечаю! Два! Всё! Приплыли! Чуваки! Хи-хи-хи! Я на совещании! Где звонок? Господи! Все свободны!.. Кира! Кирочка! Как хорошо! Три!»

Мы удаляемся от лучшей школы Блефуску и приближаемся к чертогу культуры, музею имени художника Полторашко! Ну и развалюха! Страшно зайти!

Среди картин, тщательно отобранный из Второго Нераскраденного Фонда для постоянной экспозиции в Голодном Зале директор Вихлачёв Иван Иванович отобрал две большие картины: «Портрет знатного комбайнёра С. К. Винтомордова у проходной»

работы мастера Юрия Запойского и большую батальную экзерсицию группы художников грековцев «Охват восточного фронта Деникина потешной дивизией Иштвана Конюхова в светлых тонах».

Опишем первую из картин, благо для этого краски нам покупать особо не надо!

На большой батальной картине зритель видит в основном густую пыль и едкий дым, символизирующие кровь, пот и слёзы рабочих и крестьян, за которыми едва просматриваются несколько озабоченных физиономий в несвежих подворотничках – это и есть прославленный Потешкин Штаб, из которого был и осуществлён прорыв. Куда и зачем был этот прорыв, никто уже толком не помнит, но всем памятен гам, который он когда-то вызвал.

На самом деле, охват венерала Потешкина, столь горячо попервоначально поддержанный Лыскиным генштабом закончился полным провалом, флюсом на щеке венерала и гибелью от запора лучшего ординарца венерала Пети Матришкина.

Эра боевых удач подходила к концу. Фортуна отворачивала свои зебры от маленьких людей в широких лампасах.

Лошадиные тележки с пулемётами на гривах были потеряны.

Знаменитый селёдочный форсмажорейд или «Великий Селёдочный Поход», как его называл полуковик Ювенальной Юстиции Иштван Плюгавройликов, 1867 года рождения, провалился под пол ввиду полной тухлости тогдашней селёдки.

В армии было так холодно, что они всё время спали в костре.

И научились уважать негров, ибо были поразительно схожи с ними. Когда они возвращались с очередных учений, прапорщик смотрел на прожжённое во многих местах тряпьё, свисавшее с плечей, и удивлённо спрашивал: «Мамочка! А где моя шинель?»

Всё мельчало! А конкурс красоты с участием Кати Блудовой я вообще не хочу припоминать! И не простите! Полное г...! Оцтой!

Как будто из старых запасов девок вынули!

Над городской управой, располагающейся на главной улице, целиком и полностью выложенной серой кармической плиткой, мало того, что всегда висело чёрное беременное облако, по команде губернатора изрыгавшее целительную влагу на истрескавшиеся от зною гороховые поля, так ещё и распласталось большое кривокронное древо Сикамора инад оным постоянно летают вороны, избравшие его узловатую крону местом для надёжного гнездования. Здесь, под охраной двух латников, только иногда таскающий яйца из вороньих гнёзд, как оказалось, можно относительно благополучно и спокойно размножаться под негаснущим Блефускусским всеилом. Во всех остальных местах такого рая для птиц нет, и они сторонятся Блефуску, как места заговорённого и нехорошего. У воронов такой вид, как будто они не заговорят с людьми только потому, что презирают их или вообще не хотят уподобляться этой двуногой породе.

В девятнадцатом веке в город прилетал аист, он долго вращал головой на тонкой любопытной шее, но не прижился среди таких компаньонов и подался на юг, в альпийскиепампасы и плавни.

Там людям не так хотелось есть, и они могли позволить чуждой им твари беспрепятственно бродить по лесам.

И вправду, лучшего место для случки в городе не найти.

Крепкая, по-мелкопоместному крепкая семья ворон представляет из себя костяк животного мира нашей местности. Кроме крыс, конечно, которых тут пруд пруди и которые дают огромное количество видов и подразделений!

Эти вороны, подобно гусям в Риме, существа для города священные, нах, потому что во все времена, руководствуясь сугубым сельским патриотизмом, предупреждали о грозящих городу и стране кошмарных и непредставимых бедствиях, которые неминуемо под-

ступали потом, внося в действия горожан суетливость, а в экономический беспредел, всегда довлевший над банковской и иной деятельностью, небывалый кармический понтильон.

Об этих воронах узнали даже в городе Висбю, когда в журнале «Крокодайлер» вышла заметка энтомолога Гарри Флиппера, буквально воспевавшего гений восточного воспитания и дрессировки.

И ещё все в мире знают наши Костёнки, где тридцать тысяч лет назад, до появления моих прожорливых землячков, жили мамонта и саблезубые тигры.

Правда, оказалось, что первыми обитателями Костёнок были негры.

Саблезубым тут тоже было нелегко.

«Король Иордании Абдулла, король Марокко, то есть я хочу сказать, есть целая серия мест – Катар, Оман – ну, я хочу сказать, мест, приобретающих – Бахрейн — все они приобретают привычки свободного общества»

Это чуток остужает патриотический пыл, да если на это посмотреть здраво, то тут нет ничего такого, ладно, пусть живут!

Таким образом, мой город знаменит во всём мире, и никто не скажет, что мой город впустую ест мировой исторический хлеб.

Ещё город известен несколькими великими сидениями, и засадами, в результате которых враг был, в общем-то, посрамлён и отброшен.

Особенно это проявилось в последней войне, когда траншеями перерыли едва ли не девять десятых пахоты и болот Чернозёмного Блефуску.

Тогда мешочники шли строем, а фронт окапывался по самые уши, уходя в г... иногда до полцентра земли.

Правда власти никогда не заблуждались об истинной причине местного патриотизма, и город орденами награждали скупно – медалью за Беспремерную Стойкость и орденом Великого Овсяного Материнства.

Во времена грозного Наполеоновского нашествия, о котором я вам не буду рассказывать ввиду малости резерва времени и общей гадости ощущений, вороны усроили на дереве настоящую истерику, исклевали в труху украденную в притворе «Ревизорской Церкви» Пиплию целовальника Митрича, а ранним утром 22 июня 1941 года, много загодя до слёзного плача друга всех планеристов товарища Иосифа Виссарионовича Сталина, как по команде хлопали крыльями, ловко поворачивались вокруг своей оси ритмично гневно били клювами в корявую, чёрную кору. Их подвиг зарегистрирован в городской летописи, хранящейся под великим присмотром бессмертного сторожа Ивана Ивановича Ро, которому в этом году исполнилось двести сорок лет.

Громкий вороний ор пробудил тогда спавшую летаргическим сном армию Инфант-Инвалидов, которая проснувшись, тут же скорым шагом двинулась по Старой Смугленской дороге и после хоть и целиком полегла у Пахтиной опушки, подкарауленная двумя жестокими экзэсовцами, но зато на целых два часа задержала наглых, самолюблённых тевтонов пердежом и каками, вылетающими из натуральных дульных отверстий.

Вороны были великими служителями государства.

Они-то вместе с кувшином и попали на герб моего нежнолюбимого города, только стали на нём многоголовыми, как все местные геральдические животные – кентавры, лапифы и толстые анурейские русалки.

Ещё на гербе есть какой-то горшок, значения которого никто не знает, но про который местные сионисты Шманский и Глючковский предупредили, что это якобы древнее изображение хилокоста, да вы им не верьте, тут вам такого наговорят, что голова кругом пойдёт!

Говорят, что некоторым воронам, теперь тихо сидящих на последней целой ветке городской сикаморы, до пятисот тридцати двух лет срока! Трудно поверить, но как часто

история лежит просто перед глазами, никого не цепляя своими перлами и не затрагивая своими трагедиями!

Ещё в городе живёт Народный Патриот Семён Андреич Малов, который сорок лет каждую субботу на всю улицу заводит доставшуюся ему от деда пластинку, исполняющую неизвестный аборигенам марш, который всем очень нравится и который потом при расследовании и сыске неожиданно оказался вражеским «Хорстом Весселом». Тьфу, зараза, отлипни!

В детстве все считали его вундеркиндом, потому что он с ходу, не сбросив соплю с носа, перемножал пятизначные цифры и был способен проглотить литой чугунный шар.

Потом он попал в психушку, когда девочка – подросток, имени он не запомнил, на вокзале, куда он пришёл встречать двоюродного брата, возвращавшегося с соревнований по айкидо, а потому везшего целую арбу классных импортных вещей, ни с того ни с сего что было сил бахнула его чемоданом по голове. Если бы это был пустой чемодан, разговаривать было бы не о чем! А в чемодане у девочки были кирпичи, сам понимаешь, каково было голове, когда девочка шмякнула его чемоданом! Эти психи часто очень сильные! И главное, никогда не поймёшь, что сделает псих, когда кончит улыбаться: пойдёт домой спать или бабушку жизни лишит шильцем! И очень трудно увидеть в маленькой девочке, которая баюкает куколку на подножке поезда, потенциального убийцу и террориста!

Их тогда одновременно забрали в психушку – его в мужское отделение, девочку – в детское.

Потом он год проучился в школе, но школа не оставила у него хороших воспоминаний, на какие могли бы рассчитывать родители.

Все любят этот город, но не я! Если писать тeneвую историю этого долбанного города, надо пятьсот перьев поломать и истоптать десять пар железных калош.

«Уротский многоголавыи драхон!

Чё эта тахое вакрух? Плясцущщие челoвечки! Флакeрдoны!

Что они тут наделали?

Это что? Это – государство?

Я больше не буду ни о чём разговаривать с этим государством! Не о чем с ним разговаривать! С г...м не разговаривают! Я просто возьму пику и вобью в глаза его двухголового монстра эту пику! Чтобы всё распалось, что они склеивают на костях моих родственников. Не могу смотреть на их пустопорожнее шоу! Пробователи пионеркой кашки! Спасатели долбаных бобров! И не стыдно ведь!»

Неожиданная тирада, проникшая в плоть повествования, честно говоря, принадлежит мне, и хотя она смещает наш разговор в другую сторону, но чувства, высказанные в ней верные, а потому она будет оставлена.

Я, честно говоря, раньше ненавидел войну, а теперь люблю её!

Времена войны на территории моей родины – это единственная надежда на новую жизнь, без войн ничего тут не меняется, как это ни парадоксально. Если бы не было войн, тут были бы одни гнилые избусчки и небритые алкоголики на заимке. А так, как враг огнём и мечом пройдёт по этому сонному царству гнили, появляется место для новой стройки и общего продвижения вперёд. Вот мой город. Тут вообще надо решать по особому! Его исправить-то можно, но надо просто сбросить на город водородную бомбу, а потом правильно отстроить.

Без войн тут грамоту никто не знал бы, потому что она тут на самом деле никому не нужна!

Но это так, ни кому не говорите, потому что это великий секрет этого государства, типа процента вшивости в армии.

Поэтому я благословляю все войны, какие тут были, и сожалею только о том, что здесь никогда не было великих лидеров, способных по-настоящему развязать мировую войну!

А были мыши и клопы, способные только спать и жрать! Удоды, которые тут правили веками, едва ли возможно назвать политическими деятелями, это пигмеи, изображавшие из себя супервеликанов.

Вправду говорили древние – «От великого до смешного – один шаг!

Мне трудно поверить, что женщина способна удержать в своей голове хоть что-то кроме секса. Я вообще думаю, что когда белая женщина думает про чёрный член негра, в голове у неё всё мешается, подобно тому, как в кастрюле мешаются макароны. То, как любая женщина выделяется перед мужчиной – это лучшее шоу в мире!

Вот что делает с человеком инстинкт размножения!

Однажды я дремал в автобусе и краем уха слышал разговор двух кумушек.

И вдруг до меня стало доходить, что я, кажется, знаю человека, о котором рассказывал... знаю это семью, и воспоминания стали оживать в моей голове с завидным постоянством. Да, Эта Ольга была знакома мне много раньше, чем её знал..., и даже раньше, чем она смогла бы вспомнить. У меня такая память, что в ней любой утонет!

Одна моя в прошлом хорошая знакомая, женщина весёлая и общительная, имевшая друзей в разных кругах и весях, часто ездила к друзьям в иные города, ходила там в гости и музеи, в общем, вела образ жизни лёгкий и весёлый! У нас в городе, кстати, есть музей порнографии! Хотя там собраны образцы местной порнографии, почему то он называется «Музеем Мировой Порнографии». Ей нравились хорошие беседы с хорошими людьми в хорошее время и в хорошем месте. Когда говорят о женщинах, любящих радость общения, чуть ли не общим местом стало предположение, что радость общения неминуемо должна перейти в радость секса. Я имею в виду половую сферу, но как ни странно в этом смысле моя знакомая была чрезвычайно честна по отношению к своему спокойному и тихому мужу.

Почему-то всё так устроено, что как ни встретишься с какой-нибудь проходимкой, так её обязательно Ольгой Николаевной зовут! И с виду она сама невинность, ангел с голубыми глазами! А на деле исчадие ада в короткой юбке! И сюсюкает с тобой только для того, чтобы тебя в какое-нибудь сомнительное дело и потом кинуть и таким образом своего якобы талантливого... дка вырастить и прокормить! Плевать ей на весь окружающий мир! Плюнь в проходимицу – попадёшь в это! Я задумывался над этим феноменом, и не пришёл к однозначному выводу, почему так?

Я с такой был знаком несколько лет! Тот ещё опыт! Незабываемый!

В институте она готовилась стать учительницей, и тогдашнее сознание возложенной миссии надолго наложило отпечаток на весь её облик.

В мире нет женщины, которая при явном уродстве не считала бы себя неопикуемой красавицей. Конечно, Ольга Николаевна хоть раз в жизни видела себя в зеркале, но была достаточно умна, чтобы не рассказывать окружающим о своих впечатлениях.

Она вечно нуждалась в рычаге, который перевернул бы её кармическую бедность и позволил ей любой ценой вскармливать её пасынка. И всё время просила о помощи под видом каких-то прожектов, которые яйца выеденного не стоили. Типа – клёвый бизнес, всем будет прикольно!

Главное дети! Я кажется слышал такое от Остапа Бендера!

О каком талмуде на сей раз шла речь, было неясно, это, очевидно, мог быть намёк на издательские опусы ушлой Оленьки. Или что-то другое! Вполне возможно, что список обмишуленных ею интеллектуалов был много полнее, чем я предполагал, и в рядах её жертв были люди посolidнее меня.

Убедившись наконец в своих великолепных поэтических способностях Сидорова попыталась заработать и на этом. И отчасти даже здесь ей это удалось. Фирма «Свинторг» объявила конкурс на самый лучший слоган для их новой продукции. Ольга Николаевна блестяще справилась со свинскими стишками, ублажив начальство и клиентов не распулав.

«Вот вам ответ на ваш вопрос:
«Свинторг» нам крылья приподнёс!»
«Варвара умницей была —
В Свинторге всё приобрела!»

Её стихи очень понравились.

И она получила путёвку на Кипр, остров в Средиземном море. Дельфинов там, говорят, видела. Он бы и дельфинов кинула, если бы они к ней подплыли! Такая сука!

Глава 13

Судьба моллюска Тёмы

Последнее время я стал меньше смотреть телевизор, просто потому, что кроме американских фильмов там смотреть больше нечего! Не могу же я рисковать психическим здоровьем, поглощая КВНэ и огромное количество внебрачных бастардов этих самых КВНов?

Потому что поменялся смысл, в шестидесятые страна обращала взор к счастливому будущему и КВН был зримым воплощением устремлений молодости к прекрасному завтра! А теперь это мелкая коммерческая возня! Моллюск покинул свою прекрасную раковину!

Там есть спортивный канал, но это ещё хуже! Смотришь, как эти знатоки начинают спорить о каком-нибудь козле, который мяч едва умеет катать, и так муссируют, и эдак, и горячится начинают, хотя разговор не стоит и выеденного яйца!

Только иногда покажут сумасшедшую лошадь, которая шустрее всех по ипподрому пересекает, или прикольного осьминога, у которого есть талант угадывать, кто победит! Наверно осьминог Оксворд закончил!

Я всегда знал, что любой осьминог умнее большинства двуногих!

Самый умный осьминог, само собой был в Германии, и прожил долгую и интересную жизнь! А тут сообщили, что он умер! Слава богу своей смертью!

Новым спортивным предсказателем взамен съеденного кошкой осьминога Бинга Успенского, стал головоногий моллюск Тёма Всезнающий из Ворославского питомника. Он предрекал результаты спортивных соревнований и рекомендовал лучшие замены для тренеров. Букмейкеры давали за него огромные суммы.

И по моему совету Ольга Николаевна решила следующий сборник своих опусов назвать «Звери-Предсказатели Будущего». Она вообще очень хорошо воспользовалась моими советами, и, отрицая какое-либо влияние, сделала всё один к одному, как я её советовал. Мрази и вообще считают благородство глупостью! Везде наклепала сайтов в интернете, показывая свою мордочку. Всё сделала, как ей было говорено. Впрочем, благодарности я от неё не ждал и не дождался. Она была внешне очень похожа на гоголевскую Коробочку, и я иногда ловил себя на мысли, что меня тянет открыто ей сказать об этом в лицо.

Но и результатов особых не было!

Какие результаты можно ждать от великого сидения в Интернете?

Ноль без палочки!

У нас в городе был случай. Один парень, естественно безработный, естественно 35 лет, естественно разведён, решил испытать судьбу! Ночью он залез внутрь продовольственного магазина через узенькое окошко, и у него с этим не было проблем! Человек он был худенький, даже вроде бы измождённый. В магазине он жадно набросился на еду, на пиво и шоколад, водку и икру, и когда надо было уходить, он так нажрался чипсов с огурцами и так впервые в жизни напился пива, что не пролез в форточку, правда к утру он отлил в штаны, многое переварилось, и он выбрался из злополучной форточки, благодаря судьбу и божественное провидение! А не отлей он в штаны, может быть, сейчас коптил где-нибудь в Урюпинской колонии с тузом на жопе.

Вот так же и эта женщина поступала, ей давали доброту, а она жрала, и кости в иконы бросала!

Ей бы остановиться, потому что её выкормыш уже начал подавать кое-какие таланты и даже сочинял песни про храбрых лесных братьев.

Занзибарский Марш «Входной Мятчиш». Обсмеешься!

Уже потом, когда она кинула всех, кого вовлекла в свои сомнительные делишки, с уходом мужа и получением инвалидной пенсии, на которую она наконец накормила своё прожорливое чадо прогорклой кашей, жизнь отошла от края нищеты и рачительная Ольга Николаевна стала подумывать о мебели и ремонте – этих безусловных атрибутах зажиточного мелкобуржуазного существования. Она ходила по хозяйственным магазинам с тёмным, почерневшим лицом и как оглашенная, не зная покоя ни днём, ни ночью, выискивала там дверные ручки, задвижки, никелированные полочки и дешёвые пластмассовые плинтуса.

Бедняк может прожить, только обманув другого бедняка, а потом сделать вид, что не заметил ни своего обмана, ни возмущённых воплей обманутого. Такие истории обычны в среде моих земляков, и я полагаю, что именно такие истории называются здесь и сейчас высоким словом «бизнес».

– Я хочу оптимистических пассажей! – говорила она.

Под этим была вполне объективная причина – гнилая, как старый пень, она уже не могла себе позволить почти никаких эмоций, тем более – негативных без того, чтобы разрушать жалкие остатки своего здоровья. И выдумала теорию под своё физическое состояние, или немощь! Впрочем, не удивлюсь, что, как это не странно, она ещё перескрипит многих более здоровых людей, чем она. Такая... бень в жизни случается! Сволочь мало не живёт!

Трудно было понять, действительно ли её здоровье сильно пострадало, или она прикидывается и пытается действовать по накатанной схеме, вызывая сочувствие и превращая его в более осязаемые вещи.

Ольга Николаевна была так необычайно вежлива, что когда на даче кто-то из гостей чересчур громко говорил слово «анурей», она тут же бормотала: «Тише вы! Тише! Не надо так громко!», как будто кто-то крайне неприлично ругнулся! Она хотела обладать мирным мировоззрением и придерживалась общепринятых установлений, хоть и сама часто от них страдала. Эту немудрёную теорию она называла «Системой позитивного позиционирования» и в силу слабости здоровья почитала её придерживаться.

Итак, у неё был пункт – и он назывался «оптимистическое мировоззрение». Тут таких оптимистов много! Гори всё огнём кругом, а надо видеть ангельские рожи! Вот суть такого «оптимизма»!

Тут речь идёт об оптимизме! Разумеется, оптимизм бывает разный! Бывает оптимизм безоглядный! Это когда человек просто не сказав маме ни слова, аллюром бросается на амбразуру. И висит на ней после без признаков жизни! Вот только что кофе пил в баре с приятелем, а вдруг что-то у него преклинило – и он разогнался и бросился на амбразуру! Есть иной оптимизм! Есть оптимизм с зачатками разума! Это когда ты явился к важному начальнику, от которого зависишь от головы до пят и лижешь его и лижешь до тех пор, пока он тебе премию не выпишет! А у меня гипер-оптимизм! Это оптимизм всезнающий, просвещённый, такой оптимизм, когда начинаешь видеть подноготную всех событий и ничему такому, что от тебя хотят власть имущие, уже не веришь. Это такой оптимизм, когда плюёшь во всё сущее, когда в глазах черно и в ушах вой, когда вовсе не веришь в будущее и только брезгливо отворачиваешься от всей этой поганой комарильи наверху! Когда преписчиков выгоняешь с воем поганой метлой и они бегут от тебя с бешеной скоростью, потому что знают, как плохо будет, если догонят! Самый великий оптимизм в мире! Вот такой я оптимист, лучше не придумаешь! Но она была не такая!

А ещё у меня есть толерантность! Самая великая толерантность в мире – толерантность ненависти и ксенофобии к плохим людям!

У меня все приятельницы и главная – толерантки! Это значит, что им привит жупел толерантности. А если человеку привит жупел толерантности, он почти пропал, это просто зомби! Гражданин! Ты стал толерастом? Выйди тогда в чистое поле со счастливой улыбкой,

сними с себя всё и иди к горизонту голый со счастливой улыбкой идиота! Впрочем, так многие и делали!

Ольга Николаевна ушла в толерантность с головой прямо с момента появления этой самой толерантности в американском сенате в виде маленького горбатого раввина Изи Ягодкина, недавнего беглеца из Янтарного! Изи так мощно брызгал слюнями в сенате, что его любили ястребы. Ольга Николаевна была за! Толерантность она понимала, как сокрытие любой неприятной правды. Поэтому страуса из местного лепрозория, который любил закапывать голову в песок, обозвала Толерашей.

В дальнейшем её тупое потворство толерантизму открыло ей двери всех подобных организаций, в которых вегетативно множилась на американские и израильские деньги разноцветная и разношёрстная пятая колонна, она внесла предложение сделать страуса с закопанной в песок головой символом Толерастистского Движения Края, что и было сделано готовым на всё художником Иваном Свешниковым, слишком часто бывавшим голодным, чтобы хранить честь и не участвовать абы в чём.

Однажды она зашла ко мне встрашном возбуждении от кошмарных взрывов и наводнений, произошедших в мире и потрясших её воображение. На прошлой неделе её потрясли изнасилования и бомбёжки в Персидском заливе.

Год назад – самоубийство курдских сектантов и само-сожжение сикхов.

В детстве – убийство президента Кеннеди.

Если бы она жила вечно, её потрясения начинались бы с момента, когда обезьяна слезла с дерева.

Я стал пересказывать ей новости мира, услышанные по радио:

«В Пятигорске помимо кусков Золотого Руна, пребывавших в самом жалком состоянии, были обнаружены трёхметровые отпечатки босой стопы знаменитого поэта Лермонтова, что не могло не радовать изрядно полинявшую поэтическую общественность. Событие освещал академик Академии Наук академик Велемир Пальцев.

Выступавшее светило так кривлялось, показывая свою осведомлённость в потаённых сторонах жизни знаменитого поэта Лермонтова, что сердце престарелых дев ликовало!»

– Что ты буробишь? – сказала Ира.

– Это не я! Это в журнале пишут! Вот, читай сам, тут ещё о беременном слоне и самом богатом человеке на острове Самоя Новая Гвинея.

– Два яйца Фаберже снова в Друзии!

– Новая технология? Щадящее вскрытие могил? Чудеса мумификации?

– Сам ты могила!

– Что ещё в повестке дня?

Тут я ей горю, что только что увидел по телевизору лицо нашего перзидена! Жалкое зрелище! Он буробил что-то о каких-то несусветных реформах, какие, мол, необходимо сделать в их государстве. Обсмеешься такому оптимизму! В общем, твори, братан! Экскреминтируй! Но без меня!

Между прочим! Братан! А чем ты был занят пять лет? Чем ты занимался? Кротов ловил?

Глава 14

Твидлди и Твидалда

Правление Твидлди и Твидалда было фееричным! Мало, того, что они по сговору постоянно сменяли друг друга, вызывая лёгкую рябь в глазах. Постепенно они стали подделывать конституцию под свои немалые седалища. Их аппетиты росли! А потом и вовсе устроили референдуль по поводу введения давно ожидаемой в Блефуску Малой Юшкиной Монархии.

«Интересно, а сам он чем пять лет занимался? Кашу в приютах дегустировал? Сомов спасал? Кто тебе мог помешать делать серьёзные реформы, кто мог тебе помешать разрешить эту гнусную историю со старыми сбережениями, сколько можно изображать из себя слепца: кто тебе мешал отдать людям украденое, у них этим беспалым чудищем? Или вы специально подло их обокрали, как инвесторов того государства, чтобы остальным показать, как вы наказываете честных? Вот, мол, смотрите, что мы делаем с теми, кто помогал и содержал великое государство! Насрём им в карман, лишим их всего! Ненавистники народного братства! Удоды долбаные! И если тебе никто не мешал, а ты этого не сделал, не сделал что-то справедливое, как у тебя хватает совести теперь даже касаться этих тем? Помалкивай теперь, клоун, не позорься, и так все видят секрет Полишинеля с твоим отказом снова избираться! Убирайся в отставку и помалкивай там! Слаб, ты, Петрушка! Иди, разбирайся лучше со своими рыболовами и филателистами!

Однажды приятельница засняла на телефон, как я разносил в своих речах власть имущих! Это было в какой-то компании! Лучше бы она это не показывала! Франкенштейн благословляющий да и только!

А ещё я рассказал ей о том, как вечером увидел по телевизору страшную катастрофу на Москве-реке, где на маленьком катере в результате трудно объяснимой и странной катастрофы погибли многие люди. Особенно её привлёк мой рассказ о странном вираже, который сделал злополучный катер, приближаясь к катастрофе. Она стала расспрашивать меня о деталях этой катастрофы, и выяснилось, что она хорошо знает и капитана судна, и многих людей на нём.

Потом она ушла домой, утром следующего дня позвонила в страшном возбуждении. Было понятно, что настроение у неё плохое.

– Я должна была ехать на тот праздник в Москву! Я должна была быть там! – почти кричала она.

– Ты хочешь быть там? – спросил я её, забыв, что такое цинизм, – Но катер уже на дне реки! Ты хочешь быть там? Это трудно, но ещё возможно! Тебе помочь! У меня есть хороший камень на шею и ванна! Я её отмою для тебя!

– Я не попала туда только потому, что у меня запил муж! Я вынуждена была отложить поездку, сдала билеты!

– У тебя хороший муж! – говорю, – У него чутьё! Поставь своему спасителю памятник в углу! Или поставь ему ящик водки! Чутьё так не просрётся!

– Я постоянно думаю об этом! Какая ужасная история! Надо ехать в Москву!

– Надеюсь, у тебя нет ещё знакомых с катерами? Или лётчиков с самолётами? Какой ужас! У них всех есть утюги!

– Все катера уже потонули!

– На этой развалюхе с Волги ты тоже плавала?

– Да!

– Вот и хорошо! Успокаиваемся! Их уже нет! Пока что рука бога и интуиция мужа тебя хранят! Только не летай на катерах без крыльев, и не плавай на самолётах без колёс! Смотри в корень!

– Ладно!

– Слава богу!

Я советовал ей быть осторожным, но осторожным сам не был, ибо вскоре поток событий стал увлекать меня самого в воронку, из которой потом я еле выбрался.

А по телевизору катился вал информации. Очкарика сменила косая как смерть девственница. После девственницы вытупил оголтелый поп с газетой. И началось и поехало!

На другом канале в полном разгаре была встреча лучшей целительницы Х..бурга – нашей древней столицы, с народом.

Целительница несла такую пургу, что зрители невольно насторожились.

Профессор Бугрош Манковский считал, что путь к невысказанному совершенству лежит через нечеловеческие страдания.

Профессор Мантиков, специально приглашённый для выведения кривды на любую чистую воду, буквально скакал на тощих ягодицах. Он чаял высказать всё о вредности деятельности целительницы. Ему в подприугу были попы, всей кодлой уже месяца куда два, как осудившие всем синклитом Анну Тимофеевну Волшебницкую. Несогласие с ней как таковое было у многих.

Попы с пеной у рта признавали иконное мироточение и минутное исправление стигматов, но напрочь не верили в чудодейственную силу высоких придорожных трав и господство острого психического анализа.

Конкурентка говорила о памяти вселенной и мстительности материи, понимающей якобы свою связь с тонким мировым эгрегором. Говорили о вечном елее, какого-то... растёкшимся по галактикам и о своих ночных встречах, как казалось во тьме, с Франциском Ассизским.

Напомнили плачущие иконы – «Вторую Мотернскую Пораскеву» и «Псешное Тулицыно Богородицех», которое по четвергам просто рыдало чем-то липким, разбрызгивая по округе глицериновые слёзы. Иконы многожды выкрадывались и возвращались милицией на свои рабочие места и потому у всех закрадывались подозрения насчёт подлинности этих шедевральных вещей. Такие вещи могли принадлежать только Господу!

Обсуждали мрачные предвиденья будущего фондового рынка, сделанные одним индийским неприкасаемым, с исчезновением которого связь с космосом временно приостановилась.

– Товарищи! Тут провокация! Я это... Срочно! Телефон! Вызывайте воронок! – крикнул профессор Мантиков, – Товарищи! Какие таблетки! Таблетки уже не помогут! Тут их целая банда! Засела и готова отстреливаться! Всех в допр! Я сам распорядюсь! Товарищи! Психушку к делу! Всех в допр!

В царстве Дацком начинался великолепный, чарующий скандал.

Профессора Мантикова, доморощенную мать Терезу, и ещё трёх особо приближённых к богу предпринимателей погрузили в медицинский бобик и с тревожным воем увезли в направлении городской психиатрической клиники им. Клошаросского-Люля, где уже надёжно лечились многие светила местного интеллектуального бомонда Трекин и Мальский.

Корпуса психбольницы располагались по возрастанию номеров и одновременно по нарастанию диагнозов. Если первый корпус был объектом легкомысленных анекдотов шершаплов и сиделок, то в последний боялись заходить даже выдавшие виды врачи.

Во дворе психбольницы стояли многие скульптуры, изваянные благодарными мертвецами в псевдоантичном стиле и подаренные ими больничной администрации.

А внутри бескрайних корпусов больницы обретались все гении и ничтожества мира – непризнанные Гомеры, опущенные Гамлеты, провинциальные Наполеоны и карманные Александры Великие, самозванцы и истинно рождённые, бастарды и первородцы, и все они, подобно нормальным, хотели славы и денег.

Пан с козлом.
Женщина с веслом.
Гермафродит с баблом.
Зуб с дуплом.
Геморрой с узлом.
Конец истории.

Глава 15

Где мои деньги?

Последние годы были так скучны и серы, как руководители этого типа государства – на деле – подлой джамахерии! Чтобы усидеть у власти, они стали меняться между собой местами, создавая клоунские композиции, переходившие в гомерические шоу.

Проходили года. Катастрофы и пожары стали единственным развлечением интеллектуалов. Особенно горело хорошо в провинции, само собой и подожжённое местными патриотами!

Каждый год в день рождения Гвиглера двадцатого апреля я посылал этому добаному головастику-перзидену письмо:

«Исполнилось пять лет со дня гибели сбережений моей семьи! Где мои деньги?»

Ответа не было!

«Исполнилось шесть лет со дня гибели сбережений моей семьи! Где мои деньги?»

Ответ не спешил прийти.

«Исполнилось семь лет со дня гибели сбережений моей семьи! Где мои деньги?»

Но рэплай!

Менялись там только цифры – пять лет, семь, десять! Но каждый год я его развлекал, падлу!

«Исполнилось... Где мои деньги?»

Думаю, они ох... вали от моих вопросов, ибо впервые увидели славянина, который в ярости начинает таскать за грудки государство и валтузить его по грязи, как какую-нибудь тряпичную куколь!

Они не вернули нам ничего, и я проклял их миллион раз! Если бог есть, он уничтожит их подлую, маргинальную государственность во всех её противоестественных формах!

Хотя они попытались ответить – лишить меня даже этих мерзких подачек! Когда я пришёл, у них пропали мои бумаги из архива. Но когда я показал какую-то справку, сразу нашлись! Законники! Люди далёкого будущего!

– Представляешь, как ржали над тобой эти бесчестные выблядки, когда читали твои письма? – спросил меня приятель.

– Представляю! Пусть смеются! Придёт время, им будет не до смеха!

Он был ещё тот фрукт! Однажды мы вместе были в какой-то компании. Кажется, там были девушки. Он стал перечислять мои регалии, вот вам мол, и поэт, и велосипедист, и художник. Стыдно слушать! Что ни слово – то оскорбление! Они ждали, что он объявит содержание моего лопатника, а он поэтом стал представлять! В общем, на вашем месте я бы не стал ни в чём доверяться старым друзьям!

– Представляю! Но на самом деле это я ржал над ними! Это ведь издевательство – ставить в известность! Вроде бы это они должны меня ставить в известность! А тут я их, подлых лживых маразматиков, забывших даже, как зовут их анурейских мам, ставил в известность, что они грязные подонки! Это я ржал над их двуговым, двуличным государством!

«Погодите! – думал я, – Придут иные времена для вас, подлые воры! Это я вас повезу ещё в ров под Семилуками! Там вам будет лучше! Я так хочу увидеть ваши бледные мерзкие морды!

Я вышел во двор.

«Слесарь-сифилитик»

– было написано очень ровным, ярким курсивом прямо на воротах.

Это был донос, совмещённый с наветом, ибо наш слесарь сифилисом никогда не страдал, а страдал от часотки, которую лечил патентованным средством «Чесучал».

Он был примерный семьянин и выпива самой высшей квалификации!

То, что он любил деньги, как все глистиане, повышало его шансы на уцелёж и приспособ. ядство.

Его приятель дворник Пантикапей уже лежал раскинув-шись, как Ковпак, у забора, накушавшись плохого алкоголя и, видимо, судя по пятну на пузе, кофию.

Не желая поддаваться подлому мелкобуржуазному положению дел, он раз за разом открыто проносил шоколадки мимо кассирш, якобы для несуществующего младенца, а когда они открывали рот с вопросом «А деньги?», он отвечал глумливо: «Деньги? Деньги??? Давеча забыл в «Метрополе!». И хохотал, как Мефистофиль.

Иногда его били.

И одним святым днём, дайкость-ка вспомню, какого нах святого это был денёк, кажется святого Ефима Колобродского, уф, видит бог, зазубрю эти долбаные празднества, лысые крепыши-охранники бросились на него и стали доколе сил пинать, кто чем мог, а он как мог сопротивлялся кривде и поношению, снося витрины с шоколадками и печеньем, разбивая ряды банок с вареньем и повергая в прах бутылки с импортным вином, а также все словарём понося бесчестие властей и развратные нравы элиты Республики Блефуску. Всё это продолжалось, пока тихая торговая зала не превратилась в поле битвы, а потом и в отхожее место! Сорок минут шло неравное сражение, в ходе которого они плавно переместились сначала в один отсек магазина, разбив там всё сущее, а потом в другой, потом снова в первый, потом на склад, и все сорок минут за ним с восторгом наблюдали две вредные старушки – Галина Маркеевна Осипова, бывшая народная учительница Блефуску и Василиса Осиповна Маркелова, тоже ветеран труда исамая заядлая кляузница, какую когда-либо видели в городской управе, из рабочих и надо признать – обе неисправимых партизанских кровей. Одна из них числила Александра Васильевича Суворова своим пра-прадедушкой и «Науку побеждать» знала наизусть, как оперу. Двум старушкам очень нравилось, как гибнет ненавистная государственная собственность и занавески, нравилось потому, что они от такого государства давно уж ничего хорошего не чаяли и желали ему поношения.

Итак, дворника Пантикапея страшно били, всегда и на сей раз тоже!

После каждого избиения Пантикапей через какое-то время плавно очухивался, поднимал голову и говорил таким изысканным академическим голосом, который и сложно было от него ожидать: «Господа тунейдцы! Я добьюсь от вас ответа за содеяное!»

Но не добивался, потому что добиться сего либо в Блефуску было совершенно невозможно!

Вот и сейчас шоколадный король выключился, чтобы подключиться к жизни с одним выглядывающим из бинтов глазом, воспрял уже в городской больнице имени Академика Кашеева. У него была сломана ключица и вывихнуты два ребра, что вообще-то в принципе невозможно.

Выздоровев, он только набрался наглости и его набег на кисельные реки и шоколадные брега стали всё отважнее и наглее. Теперь он ходил в опасные гипермаркеты с бейсбольной битой и огромным газовым ключом наготове, ибо полагал их лучшими инструфараонами для защиты от тамошнего персонала и особенно торговой охраны, столь люто ненавидевших клиентов, сколь сатана не любит бога и мать. И кликушески наводил такую правду-мать, что криминальная хроника после долго пестрила цветными разнузданными фотографиями.

Участь многоженца!

Когда мы спускаемся вниз, на лестницы слышится голос забредней сюда Зины Бержерак, Зиночки:

– Товариш Наверхуев! Где товариш Наверхуев?

Не видно, к кому она обращается и, судя по нежному голосу, это наверно ангел, залетевший сюда со случайной бандой диких гусей.

Я вдохнул воздух полной грудью. Лестница вся пропахла таким густым духом борща, что сразу хотелось заснуть вечным летаргическим сном.

Почему-то, и это я замечал, во всех подъездах не очень свежих панельных домов всегда есть свои тайные помещения около шахтных лифтов, на которые кто-то разевает роток с тем, чтобы со временем прибрать эти помещения к рукам. И даже классифицировал всю эту рачительную сволочь! Обычно это седовласые персонажи лет пятидесяти двух, уже пузатенькие, подслеповатые, как кроты, со слегка остекленевшим от пьянства взором и длинными руками, торчащими из коротких рубашонок. Такой человек всегда влеком к накопительству и лифтовой экспансии. И он долго и продуманно готовит план операции по захвату домово́й собственности. А потом, прибрав, сначала волочёт туда всякий старый инструмент, молотки всякие, плоскогубцы, ящики с гвоздями, и только потом начинает приспособливать это дело под склад продовольствия. Ставит туда мешки картошки, кульки с крупой, банки с жёлтыми гигантскими огурцами, какие, кажется, и в природе невозможны. И когда из этих кильдимов начинает широко разноситься сытный запах старого борща с перцем, настаёт момент истины и соседи такого новатораначинают сдруг злобно бунтовать и огрызаться. Никто в тридцатилетнем панельном доме не способен выдержать запах борща из кильдима около лифта, никто!

И я почувствовал, что здесь будет та же история, и тот же кильдим, и банки сии разобьются! Ибо нет исключений там, где царство правил!

Во дворе ползали покрытые геркулановой пылью отпавшие кошатницы, уставшие от придорожных сервировок. Кошечки чинно сидели на сервировочном столе мадам Куку и кокетливо отставив коготки, ели черничный мусс с зефиром фамильными серебряными ложечками из Севрского мрамора. Иногда они обсуждали новости мира и клеймили развратные нынешние нравы. Я любил приводить в наш двор моего приятеля, у которого был милый пёс. Этот пёс проходил мимо сервировочного кошачьего центра и завидев большую чашку с молоком, жирным боком отодвигал обалдевших от увиденного котят, глаза которых от изумления становились идеально круглыми и начинал длинным языком остервенело лакать кошачье молоко. Маленькие кошечки только глазами хлопали, наблюдая, как довольно вращается собачий хвост и как из их тарелки исчезает чудесная белая жидкость!

В мире побеждает умнейший! Конечно, на самом деле в мире хороводит абы кто, это я так сказал, для форсмажора. А так я не дурак, всё понимаю!

Только бы кошки поняли! Мне больше ничего не надо!

Кошачья ферма «Мурзик и Глистос», просуществовав пару лет и достигнув зенита летом прошлого года, начинала двигаться к застою. Новое увлечение женщин-активисток – спасением псов, овладело и другими психически больными женщинами. Наблюдать за ними было в высшей степени прикольно. За женщинами вообще прикольно наблюдать! А за кошатницами – вдвойне!

Они постоянно сталкивались в арке, шушукались по углам двора, и было видно, что разговоры у них вертятся только около любимых тварей и их «спасения». Две матери Терезы на нашу голову! ...дец! Это были прама́тери – спасительницы рода человеческого, а не какие-то грязные безх..и двуногие!

Обстановка спалённой Маосквы мягко окутывала увиденную картину.

Смотреть на это не было сил.

А потом затрещал телефон. Это кто, слон?

Но это был не слон!

Телефонный разговор был краток и насыщен злобою дня.

- Это вы дали объявление «Продам старое, раздолбаное пианино в хорошие руки»!
- Я?
- Баракла что ли до..я? Протазан с люлей!
- Ты мне ответишь, падла, за оскорбление! – говорю, я в последнее время зажигаюсь от одной искры, как бензин в кулькуляторе, – Я продаю вещь! Пианино «Мюльбах»! Вы слышите? «Мюльбах»! Немецкая работа! Идеальное состояние! Девочка! Педаль! Раз! Раз! Оно даже на запах ароматное! Нюхни! Нет, правда, нюхни! Титаническая вещь! Резьба в две вилюшки мастера Мартина-Бочара Первого! Великолепный европейский звук! Та-та-ти-то! Вау! Компактные размеры! Железная педаль! Говорил? Ладно, тогда к конкретике! Хорошее состояние! Не вдохновил? Так вы прямо скажите! Находилось с семнадцатого века в семье немецкого посланника в Того и Лисоте!
- Какого?
- Что какого?
- Какого советника?
- Его звали Гуго Гофштангль!
- Шваль?
- Гофштангль говорю! Гуго! Шваль – это ваша фамилиё!
- Цена?
- Двести тысяч!
- Чего?
- Долларов!!!!
- Доралов??? Двести доралов?
- Долларов! Двести тысяч!
- Да! Друг мой! Вы шутите! Двести тысяч доралов за груды металла и гнилых гоношистких деревяшек? Гражданин! Вы бредите наяву! Тогда я за такие деньги и вас впридачу куплю!
- Не хотите, не берите! У меня есть соседка, которой нужно вывести хлам бесплатно! Возьмите её инструмент!
- Другие навязчивые состояния есть?
- Двести тысяч! Я говорю! И ни на йоту меньше!
- Чего?
- Я же сказал! Отнюдь не рватых калош!
- П..дюлина!
- Плохо слышно!
- Я понимаю! А сколько?
- Двести ты! Я же скаал!
- Оно скаало! Вы говорите «Мюльбах»? Говорите ясно! А то вы темните всё!
- О да!
- Что такое о да? Мюльбах»?
- Да!
- Сколько!
- Двести штук баксов! Кэш!
- Скажите, вы часто бредите? Я – врач! Я мог бы быть вам полезен!
- Я сказал – двести тыщ!
- Шура, меня волнует ваш пионерский оптимизм! Может, вы и продать хотите? Такое впечатление, что этот конёк-горбунок живёт в бутылке и вправду думает продать груды гнилых щепок за мешок зелёные доралов! Шура! Моя бабушка говорила мне: «Изя, сколько бы не давал этот прохвост, всё равно держи карман под надзором! Шура! Жизнь длинна, как свиток торы! В ней всегда есть место подвигам! Не теряйте надежды! У вас купят! Лет через сто!

– С кем вы там разговариваете? С собой! Я сейчас раздолбаю телефонную трубку о вашу голову!

– Вы думаете? – деликатно сказали на другом конце трубки. Кисло-сладким таким голоском. Вроде и результата нетути, и ссориться не хочется!

– Думаю!

– А? Шеф! Не гневите господ! Право! Нельзя ли дешевле? Неужели вы бука?

– Что?

– Шеф! Каменные скулы вам явно не к лицу! Я думаю, вам следует исчислять цену в рублях! И тогда есть возможность удачно сочетать интересы сторон ко всеобщему благу! Вам, я знаю, равнодушен народ наш крепышанский?

– Так вы берёте?

– Невинное дитя Арины Родионны! Капитан, не надо скорби! Скорей улыбнитесь маленькому горбатуому гному, истосковавшемуся по вашей светлой любви! А серьёзно... Нельзя ли обойтись двумя?

– Чем двумя?

– Рублями!

– Дитя таблоидов! Ваши шутки неуместны! Я кладу трубку на рычаг!

– Нельзя?

– Прочему?

– Потому что как только вы положите трубку, за вами придут наши славные чекисты и увезут вас в фараоновском бобике за полярный круг!

– Куда?

– Куда глаза глядят! Шеф, скинуть можно!

– Нет! К сожалению!

– Что, крафт нынче дорог? Или бонусы кончились?

– Да! У нас только для гениев скидка! Вы не гений!

– Почём знаешь? Дельфийская брехалка? Я в детском саду из рогатки в глаз воспитательницы мог попасть с первого захода!

– Видно по лицу и обуви, товариш! Вы не наш покупатель! Друг мой, идите в «Эльдорадо»!

– Я? Друг? Не ваш?

– Зачем вам «Мюльбах», товариш? – внезапно съязвила трубка, – Вы что, на нём играть будете? «Пупсик»?

– Паяц-падла, я у телефона! Человек! – я снова не выдержал муки преследования, – На мне сто долларовые ботинки и шляпа, какой у тебя никогда не будет! Я тебя достану, и ты будешь языком полировать мои ботинки!

– Вот как? – сказала трубка и обиделась.

– Опустит трубу, Гомер ё...! – уже в мировое пространство кликнул гордый я, – Торгаш!

– Вот как? – в предпоследний раз отозвалась трубка.

– Мюльбах! Мюльбах! Будь ты трижды проклят! – крикнул в трубу.

О, это был он!

– О, как! – в заключение сказала трубка.

На этом разговор завершился! Потом кто-то позвонил ещё раз, надеясь втайне на смягчение нравов.

Привет! Это я! Если бы ненужные людям слова выбрасывались на свалку, она была бы единственным местом, где бы я появлялся вместе со своим золотым протазаном и тучной гладиаторской сетью! Харль, братья мои! Харль! Я прохожу пред вами мощным австрийским маршем, печатая гусиный шаг и выбрасывая руки одну за другой!! Преторианцы мои любимые! Братья и сестры! Приветствую вас! Дойчлэнд, Дойчленд, юбер алес, как утверждал

мой приятель перзиден САШ Джордж Бусч! Давно не виделись, стрючки! И стали забывать друг друга! А что если бы тут случилось землетрясение, что бы было? Совсем бы забыли друг друга? Работа у меня такая – думать дальше своего носа! Заглядывать в будущее, как сказал бы один козёл с радио! Вы обо мне уж наверно стали забывать?

«На мой взгляд, если Соединенные Штаты говорят, что будут серьезные последствия, и если эти серьезные последствия не появляются, то это вызывает негативные последствия».

Я вам напомню! Запомните! Зовут меня Алекс! Алекс Лихтенвальд! Я вам не дойная корова! Харль вам всем!

В городе я встретил пьяного провидца, который мог про стихи и про стихотворцев рассказать!

Отдельный человек земли Фиглеморской писатель Иван Фанфуриков своё выступление на каком-то замшелом околотитературном вечере начал со слов: «Я никогда не был награждён никакими наградами, орденами, медалями, граммофоном от профсоюза, и ничего, не умер!» А потом безнадежно шмякнув рукой о графин, ляпнул, добавил: «И не хочу этого! Не хочу!»

Ему попытались поверить, потому что автору романов «Земля» и «Хлеб», с их сермяжными коловращениями, приходится верить на голое слово!

Он был автором нескольких мутных фельетонов про уборщиц и домоуправов! А также кучи омерзительных анекдотов и афоризмов, которые правили ему все встретившиеся. Наверно так писали Пиплии левиты две с половиной тыщи лет назад!

Я сегодня снова увидел Тукитукича, упорно разглядывав-шего богатые витрины со знатными девичьими колготками. Сбышек Магоручо!

С детства Тукитукич считался позором семьи, и мать часто закрывала подолом лицо, узнавая о проделках сына.

Бедность была такой, что в дом не нуждался во входной двери. Хотя стол был под стать двери, с раннего детства Туки был со снобцией. Однажды он отодвинул миску с едой, поданной его матерью и прорыготал:

– Мать! Убери! Маца стухла!

После чего отец высек его до крови бахромой со своего камзола. Камзол был непременным атрибутом семьи и дед Тукитукича утверждал, что в шестнадцатом веке камзол носил знаменитый Шотландский колдун по кличке Чарли Большой Палец, а потом его падчерица и служанка. Так это было или не так, теперь сказать сложно, но пена на губах, с какой отец Тукитукича отстаивал эту версию, убеждала порой даже мёртвых.

Потом пришло вдруг почти фантастическое благосостояние.

До войны папа-юрист и мама-врач гинеколог волокли в дом столько еды, что хватало даже кошке.

Началась война и всё вокруг прекратилось – всё! Сильнее всего сократилось производство еды. Если не сказать сильнее! Отсутствие еды потрясло Тукитукичей гораздо сильнее огромных потерь на фронтах и на флоте. Еда исчезла вовсе! Икра там, сало. Единственное, что тогда процветало в мире – так это вопли и проповеди сионистских проповедников, на всех углах призывавших дураков отдавать деньги на новый проект в Палестине! Наблюдать со стороны это было очень интересно, ибо с самого начала было ясно, что сколько ни дай на эту проклятую Палестину, сколько волка не корми, зубы у этого зверя в овечьей шкуре никогда не затупятся! Если у нас в Блефуску призывы подобного рода были подпольные и о них знала только дюжина активистов и полдюжины оборотней с термометрами, в Америке оболванение глупцов проводилось с небывалым размахом. Дети с шапками шныряли в толпе, умоляя помочь Палестине. А на не желавших помочь Палестине смотрели с подозрением и отвращением. Визг у синагог стоял такой, что негры впадали в ступор и прекращали размножаться.

Пройдёт всего пара десятков лет и негры, стоявшие 99-ми в очереди обездоленных американских париев, потеснят сионистов в борьбе за кошельки избирателей и визг будет стоять теперь не только у синагог, но и у методистских церквей с раздолбанным пианино внутри, и двумя чёрными хористками со ртами от уха до уха и у комитета возрождение афро-американского духа, который теперь назывался «Одинокое Сердце Мартина Лютера Кинга». Голливуд целиком принадлежал произраильской партии и на обиженных негров смотрел с неприязненным подозрением.

Было провокационное сообщение об одном чёрном активисте, якобы он прекратил работать пропагандистом и стал сутенёром.

Меж те в самой Палестине отчаянные просьбы арабов о скорейшем выселении их из городов и весей в тар-тары и пустыни, стали столь частыми, что оперившееся к тому времени правительство Израиля не могло не отреагировать на них лояльно. И оно стало высылать арабов из страны сначала поодиночке, потом семьями, и наконец целыми городами.

Процедура называлась «Демократической Толерантной Филтрацией» и была обставлена томами новых вполне демократически сформулированных законов. Родители Тукитукича, хоть и были примерными гражданами Блефуску, на Палестину смотрели с причмокиванием и одобряем. И новые законы Израиля втайне находили удивительно правильными. Короче говоря, сионистская пропаганда находила живой отклик в сердце Абрама Иосифовича и Эльзы Максимовны, любивших в равной степени свою революционерную родину и «Голос Америки»

Маленький пушистый птенец Израиля, которого поначалу хотелось прижать к груди и защитить большой женской материнской грудью, постепенно превращался в гадкого, коварного и чрезвычайно злобного кукушонка, готового выкинуть из гнезда любого соседа и кого угодно. Но они не замечали этого.

Тукитукич в то время к политическим партиям не принадлежал ввиду того, что был увлечён гормонами в бурный поток половой жизни.

Плохое воспитание и неважные манеры мало кому сослужили хорошую службу. В случае нашего героя неважные манеры и плохое воспитание чуть его не угробили совсем. Когда выяснилось, что Тукитукич не годен ни продолжать гнинекологические опыты матери, ни юридические экзерсисы – отца, отчаяние, охватившее родственников по поводу, куда приткнуть талантливое чадо, было столь велико, что после семейного совета в Филях, продолжавшегося без малого два часа, Тукитукича по великому благу пришлось срочно втыкать на подшипниковый завод, с которого каждое утро раздавался громкий тоскливый вой и колонна людей, издали напоминающих узников, стуча каблуками, устремлялась за ворота. Всплакнув, мать Туки даже завернула ему спасительную ладанку с изображением не то семисвечника, не то многорукого галилейского святого. Никогда никто из Тукитукичей не опускался столь низко! Никогда и никто из Тукитукичей не манкировал своими древними обязанностями столь легкомысленно, как Татоша. Никогда никто не зарывал свои таланты в землю с таким прискорбным энтузиазмом! Семь дней в семье Тукитукичей был глубокий траур: истошно качался на стуле приглашённый из Мазейки сумасшедший зубодёр Тиша, пиликала расстроенная скрипка, и по древней еврейской традиции отец не выходил из туалета.

Морда у Тукитукича меж тем была глумливой.

Попав на завод, Тукитукич продолжил пинать ногами мусор и не избегал мочиться во все попадавшие на его пути отверстия. На второй день ему попала дырка, в которой был конец высоковольтного кабеля.

Крик Тукитукича был слышен в соседнем городе и его видели пролетающим над электрической подстанцией.

Как ни странно, на заводе его больше никто не видел.

Издавна Тукитукич считал себя гением, но я не уверен, считал ли он себя абсолютным гением, то есть гением в мировом масштабе, или ограничивался родным Ворвиллем. Думаю, у него хватило бы наглежа почитать себя гением всемирного масштаба, хоть и не тянул он. Он хорошо сказал: «Все женщины мужского пола!» Забавно! Но «все мужчины женского пола было бы острее!» Пикантнее! Жостче! Амбивалентнее что ли, нах! Чтолинах!

Я мысленно вскрыл Тукитукичеву голову и внезапно увидел мысль, трусливо проползавшую, как ящерица, мимо мозжечка, мысль, рассмешившую меня своей абсурдностью: «Они украли у меня самое святое – деньги! Но я – за них! За них!!! Поневоле за них! Кто же кроме них будет бороться с наступлением террористов и экстремистов? Кто остановит Усамо Бен Ладена? Кто кроме этих козлов? Некому! Где заслон «Библия! Мать Ваша!» Хорошая тема для растяжки на главной улице Ворвилля —

«Любите Библию Мать Вашу!»

Светлые цвета – лёгкое колыханье! Вот бы сочинить вещь с названием «Тетрапентакль!» Роман-Стихотворение! Роман-Притчу! Роман – «Великий Альфагипермегатрэшфакбит шоуфритч!» Или «Смерть Лярвы!» В трёх частях и эпилогом, с мудрыми и частыми мыслями и афоризмами, разбросанными по тексту и озвученные главными героями – трактористом Гришей и дояркой Машей! Типа Буша!

Это не с горок кататься
И не пытаются забыть!
У родины что-то с самоидентификацией,
Ничего не умеет ценить!
Тут самомненья немало!
Нет недостатка свобод!
Много всего в развалах
Ещё больше пойдёт в расход!
Пережили застенки и рати,
Акул, мышей и котов,
Переживём и дерьмокрадию
И слюнорозовый кисель Христов.
У родины иежду дефикациями
Словесный понос несложно поймать,
У родины что-то с самоидентификацией,
Не может себя назвать!

«Но подлинная сила Америки – в сердцах и душах таких людей, как Тревис, людей, готовых любить своего соседа так же, как они хотели бы любить самих себя!

«При диктаторском режиме не обязательно существует такая штука, как железные, абсолютно твердые доказательства. Доказательства, которые у меня были, это были лучшие из возможных доказательств, что у него есть оружие!»

Хорошо! Архи-мудрые мысли! Все-мои! Блестящий стиль! Современный подход! Девочки! Вау! Филистёр Гузко умылся бы кровавой завистью! Иссак бы, как мул в стойле! Сблизни, Тора! Танах идёт! Кровавыми слезами плакал бы! Падла! Оранжевые штаны корпоратива! Полное бардику! Свиное рыло с пером! Нежность моя к ним не иссякнет! Тфу, чмо!»

«Такой активный выброс не может быть результатом счастливой жизни! Счастливым людям не нужно творить!»

«По всякому! Но в основном действительно так!»

Кстати! Неплохая тема для растяжки на главной улице Ворвилля:
«Кто остановит Усамо Бен Ладена?»

Тукитукич очень мечтал остановить Бен Ладена. И не просто остановить, а театрально преградить ему путь, упредить поступки и прервать афёры! Он даже был бы готов сам-тотчас отправиться в Пакистан с базуккой, чтобы помочь уставшим от бесплодных метаний по пустыне американским рейнджерам настигнуть главного врага Америки, главного врага Америки и поэтому поэтому главного врага его, егоего, Тукитукича! Надо было наконец отдать долг четвёртой колонне!

«Библия снова воссияет во славе своих!» – решил он абсолютно, – Зуб даю!»

Но что-то мешало выполнению планов, что-то преграждало путь всевидящему Иегове, готовому по первой команде заступиться за Тукитукича.

– «Завтра отправлюсь на перекладных! Вот погодите, господин Усамо, увидите, что такое Тукитукич! Я ещё буду держать вашу голову за вихор!»

Выполнить задуманное мешала постоянная нехватка денег, но это было, как полагал Тукитукич, вполне разрешимой проблемой.

– «Дню философское! Деньги всегда где-нибудь можно достать! Вот ум – никогда!» – подумалось в тумане, – Ум и Талант!»

Тукитукич принялся писать зубодробительные статейки.

Статья, которую Тукитукич адресовал самому себе называлась «Великий Мечтатель и Гомофоб» и преследовала далёкую цель продвижения талантов сочинителя.

Никто не откликнулся!

И Тукитукич отправлялся клянчить талоны на бесплатные гогасинодальные обеды в кафе «Ромашка», такие вкусные, питательные, с котлетами и подливой. Ах, как хорошо, как свежи были синагогические обеды! Нет, не зря в мире существовал и верховодил сионизм, не зря! Да-с с подливой и котлетами! Тукитукич проглотил большой кусок и на секунду сосредоточился. Рядом с ним всегда сидело несколько бойцов невидимого фронта, все с бараньими шапками на голове, с ртутными глазками, тажжерасчухавших уникальные свойства питательных сионистских талонов и сосредоточенно работавших челюстями. Или челюстями, как кому угодно!

Но это были уже не помощники в великом деле очищения мира!

Страшнее было то, что иссякли в прошлом стройные ряды иллюминатов, выродились, понесли беллугу и нести базуку было некому.

Так Дон Кихот, приведись ему утратить заблудившегося Санчо Пансу, был бы в шоке и не резон ещё, что такая недолга куда-нибудь помогла бы вывезти! Куда может вывезти такая кривая?

Так что когда поступило сообщение о гибели великого Усамо, и в мутном Тукитукичевом телевизоре замелькали откровенные штаны и чалма, попираемые саксонской тростью, словно гора упала с плеч посланца небес Тукитукича.

– «Мои молитвы убили великого Усамо! – сказал он умиротворённо, – Слава Богу!»

Ненадолго, видать под влиянием гнилых испарений гнилых планет, о которых столько говорили в гнилых гламурных журнальчиках, Тукитукич на время забросил полюбившиеся дебилам афоризмы и стал сочинять галантерейные стишки:

«Я тебя полюбила,
А ты настоящий козёл!
Я тебе изменила
И ты от меня ушёл.
Вот стою в подворотне,
Палец засунув в нос.

Жаль, меня ты не понял
И не задал вопрос!»

У него был вариант, которым он тоже гордился ничем не меньше, чем первым:

«Я тебя полюбила,
А ты настоящий козёл!
Я тебе изменила,
И ты от меня ушел!
Я стою в подворотне!
Дайте мне ревеня!
Жаль, что меня ты не понял,
И ушёл от меня!
Я очень сильно страдаю,
Тебя не в шутку любя,
Я тебя лучше знаю,
Как ты не знаешь себя!»

Когда он читал это с выражением, все в ненавистном союзе просто лежали.

«Дилемма, трамвай, индустриализация» – слова, слова, слова. Гамлету было бы плохо среди нас! Очень плохо!»

Был у Тукитукича момент истины, когда, отчаявшись оставаться бесштаным интеллигентом, способным питаться одной капустой и писать рассказы о подлых водопроводчиках, он пошёл работать на завод чернорабочим. Неприятный акт биографии, который он потом всячески скрывал от общественности. Но на заводе он проработал недолго, потому что там, в цехах основной индустрии ему капитально порвали ноздрю. Постарался пьяный передовик, который вылез из-под холодного пресса и вскверном настроении увидел Тукитукича с бумажкой и карандашом в руках. И эта бумажка и карандаш так возмутила его патриотические чувствования, что он разъярился как бык на бандерилью и бросился на Тукитукича. И порвал ему ноздрю! Вот к чему приводит ковыряние в ноздре напильником! Так он начал терять доверие к двуногим тварям!

Присмотр за гражданами в замочную скважину всегда был любимым хобби государства. Тукитукич знал это по худшим временам недолгого социалистического строительства, когда за ним бегал блюстителю с воплем: «Опять, Тукитукич, не работаешь! Попалься, тунец! Гражданин Блюмкин! Иди сюда! Когда кончатся жалобы граждан, а?»

Автор, ещё раньше Тукитукича начавший терять доверие к двуногим существам, в этом смысле тогда сочувствовал Тукитукичу, ибо проработав два десятка лет в разных мутных, гниловатых издательствах, где господствовали бедные колхозники и алкоголики-единоличники, со временем тоже отверг мысль об основных цехах индустрии и пошёл своей колдобообразной, но свободной дорогой.

Тукитукич куда-то по-заячьи спешил, низко наклонив ушастую голову к самой земле. Как будто хотел услышать гул времени и топот хулиганских поколений. Вид крайнезадумчивости очень шёл к его театральной шевелюре, дедулиным шлёпанцам и старой белой майке, с изображённой на ней оскаленным негром с трубой.

На его майке художник тщился изобразить саксофон.

А шёл Тукитукич, надо признать, в Союз Пейсателей, который он всей душой ненавидел, но в который его влекло, как проститутку влечёт на панель.

Давным-давно его завлёл туда приятель, перебивавшийся службой в жалкой железно-дорожной газете и тоже мечтавший о хлебном месте в областной газете «Корпункт».

Первое впечатление о Союзе Пейсателей было благоприятным.

Благородный господин сидел на председательском кресле, пытаясь поднять глаза на вошедших. Рядом за машинкой сидела секретарша Зина, опустив глаза и одновременно подняв брови к потолку

Интеллигентнейший и культурнейший человек был найден в шкафу жены его друга! Что это могло бы значить?

А потом Тукитукич понял, куда попал. Потом стало известно, что зимой Зинаида Петровна изнутри заколотилась в кабинете шефа гвоздями и отказывалась выйти под угрозой самосожжения и харакири.

Это было в 1963 году. В Америке вошли в моду шарады. Среди шарад была главная шарада всех времён и народов – кто убил Джора Кебеди? Все Армериканцы наперебой бросились разгадывать, кто убил Кебеди? Их тогда не надо было кормить хлебом, дай только потрепаться, кто убил Кебеди? Хотя и дураку было понятно, что Кебеди прихлопнуло ЦРУ.

Воспоминаний было столько, что можно было бы написать новую книгу афоризмов.

По пути Тукитукич схватил из рук шлявшегося на улице рекламодателя объявление о слёте в пчеловодческой артели «Фрунт» с лекцией и фуршетом. Особенно его привлёк фуршет. Лекции он сам мог прочитать кому и о чём угодно!

«Чем черт не шутит, может «Кока-Колы» нальют! – подумал Тукитукич и усомнился, – Но почему заседание утром? Наверно «Кока-Кола просроченная!?»

Раз и навсегда затверженный маршрут пришлось круто изменить.

Он забежал в боковую арку почти разрушенного дома и, сообразуясь с нацарапанным на бумажке планом, стал искать пчелню. Жутковатые сарайчики и гаражи, как стружья наводнившие двор, смущали взор и отвлекали внимание. Нашёл он пчеловодческую контору в другой, рядом располагавшейся арке, в ещё более раздраконенном строении N7. Тут помимо швейной лавки был ещё пункт по приёму стеклянной тары и склад бижутерии. Около склада стоял армянин, оказавшись в руках которого палаш, никто бы наверно не удивился. Тукитукич долго обивал тапки о порог и при этом шевелил губами.

В холле заведения, сплошь завешанном плакатами с изображением полосатых пчёл, похожих на сотрудниц компании сотовой связи, уже кучковались важные седые пенсионерки. Они ждали обещанных призов. Потом вышла начальница, тоже в пчелином прикиде, от которого у Тукитукича закружилась голова, и пригласила всех в комнату к шарадам.

Шарады, младенческие песенки и заранее заготовленные шутки следовали одна за другой, перемежаемые рекламой различных мёдосодержащих препаратов. «Говномед» или что-то вроде этого!

Это напомнило ему писательскую тусовку, куда его однажды завлекла приятельница по имени Зара Дуст, потом подлю перешедшая в новый Обновленческий Союз, конкурирующее учреждение, куда принимали всех обновленцев и вообще всех пишущих извращенцев. Долбанное, передолбанное время! Там тоже сновали хитрые оводы и шершни, а также немалое количество трутней в клетчатых штанах. Дышать темно!

Заседание здесь напоминало сетевую игру, а публика – секту. Сначала все угадывали дебильные пословицы, и им выдавали жёлтые наградные бумажки, а потом пели песни о пчёлах и пчелином хозяйстве цветущего края. Секта Пчелиного Бога звала к абсолютному здорювю, но мёд с горных предгорий Тянь-Шаня был здесь дорог феноменально. Глава секты была одета в сексуальную пчелиную форму и жужжала около любопытных пенсионеров, как рабочая пчела. Потом пенсионеры ушли пить бесплатную «Пепси-Колу» за ширму. Глава Союза Пейсателей напротив, напомнил Тукитукичу не то жадного овода, не то рачительного трутня. Он всё время жужжал гнусоватым басом и, грозя поразить головы окружающих гипер-очками, размахивал руками, сжатыми в пудовые кулаки. И морда у него была,

надо признать, как у настоящего трутня – безумная. Тукитукич не любил людей! С этого мофараона он стал бояться и пчёл.

«Поэт Бантиков, мне Сикорский донёс, решил посягнуть на святое! Сочинил африки! Ё... колдун! И как руки не отвалились? Друзинант двоих не потянет! Что пишет, подлец...»

«Зообнист Иван Иванович
В чёрной кепке на затылке
Доложил, что может за ночь
Выпить залпом две бутылки...»

Сфинкстер! Что происходит! Если всякая свинья будет, когда ей заблагорассудится, виски пить, мир рухнет!

Я ему сказал, чтоб он отнёс это в журнал «Дудка и Свисток!» Там возьмут!

Сикорский тоже не тем занимается! Он в Друзии ремонтировал схемы от компьютеров и стряхивал пепел на них так, что компы после просто лётали. А басни плохо пишет! Крючковато! Невпопадисто!

У него потом началась вируфобия и чтобы не заразить свой компьютер давно ожидаемым висусом Пти-Пту, он не только никогда не включал компьютер, но сначала запретил своим родственникам прикасаться к нему, а потом со всех сторон обернул скотчем и освятил святой водой от бабушки.

Вон Кампанелла, когда книгу писал, плевал в чернила! У него во рту не слюна была – одна ядовитая желчь! Его сопли столы дубовые насквозь прожигали за три минуты! Все великие люди всегда оказываются в каком-нибудь разломе, кратере, или при развале государства находятся! И всё их величие состоит в том, чтобы со всей своей злобой, описывать происходящее! Тогда у них нет сил и времени на то, чтобы врать, тогда и слова у них живые появляются! Огненные слова! Вот и Кампанелла такой был! Написал великую книгу! «Город Солнца». О том, как хорошо будет, когда перестрелять всех подонков, избавиться от христианства и ещё кой от чего, кой от кого и начать строить новое государство! Тут не поспоришь! Все мы живём в ожидании, в ожидании, когда Это начнётся! Одни для того, чтобы этому противостоять по глупости, другие для того, чтобы веселуха была, третьи, для того, чтобы поучаствовать! Я из третьих! Обязательно пойду на баррикады, когда родина позовёт!

«В теновом правительстве Единой Блефуску обнаружена секция лесбиянок!».

«Вот судьба человека! С приспущенными трусами пол-Европы прошёл! Святой человек! Святой Иеронимус!»

«Убей его! Труп закопай в саду! Расчлени его! Предатель! Хотел разбогатеть на наших костях! Нет, я тебе сказал! Умоляю! Сожги его! Забросай сухими ветками, облей керосином и сожги! Отдай труп воронам на съедение! Он это заслужил! Гадина! Гамно! Никто не должен знать, где! Как кто будет жечь? Ты!»

«Святой минет и торжество евхаристии!»! Сколько чудных нужных науке тем содержит природа! Как она прекрасна!

«У него была верная жена! Она его называла Благородным Оленем!» Это что, намёк на тайные рога?

В витринах стояли гуттаперчевые девки в чулках и бюстгальтерах, и Тукитукич так близко наклонился, что у него самого, видать, замирало сердце.

Женщин Тукитукич считал неприятными толстожопками и в человеческую иерархию не включал. Он женился на суженой строго по гороскопу, который обещал полное слияние душ, но привёл к шумному разводу, в результате которого суженая умыкнула львиную часть его имущества. Вернее имущества, доставшегося ему по наследству.

Одета она была прикольно: синий шарфик, белая глаженая блуза и красные кроличьи глаза! Очень красиво!

«Вмерупсихов, Шамотов, Болотов и Бзол. Были убиты без единого выстрела. Барменовль».

«Чего-толь ко в этих жолтых газетёнках не печатают!»

Навязчивое поветрие взять в жены целку не принесло лично ему ничего, кроме неприятностей и суматохи. Мало того, что эти падлы иногда дерзко прикидывались целками, будучи на самом деле зрелыми потными женщинами, испытывшими все прелести любви и искушёнными в кама-сутре до мелочей, что выяснялось только на брачном ложе, так они ещё и нагло дерзили после неминуемого разоблачения. Будь он бароном, Синей Бородой, он бы и пяти минут не терпел такого поношения своей мечты, но будучи графом, вынужден был терпеть и кое-что похлеще.

Одно время у него был пселдоним Ивен Вздраич. Под этим пселдонимом были освоены две повести и обличительный рассказ про водопроводчиков. По младости я как-то поддался мерзкому обаянию этого типа и полной горстью одаривал его афоризмами.

«Если бы в мире не было несчастий и несправедливости, то в нём не было бы и счастья!»

Эта фраза ему тогда очень понравилась, он даже зарумянился, когда я подарил ему это. Вот вы меня похвалили за что-то, и мне очень приятно! – сказал он.

– Доброй ноздре любая сопля в радость! – говорю.

Он и это записал горячо.

Понравилась ему и другая мысль, которую он тут же и зафиксировал:

«Главное чтобы в хантымансийском округе не было войны между хантам и мансами!»

А вот ещё!

«Возьми книгу в руки!

Наша

Биплия

– самая святая!»

Этому хотелось верить!

Поэтому был период, когда он открылся и доверился святым книгам Святой отец заблюлился тогда неукоснительно. Было желание всучить всем живущим на земле Пиплии с золочёными корешками. Он сидел в переходе на раскладном стульчаке и всучивал святую книгу всем желающим. Кто-то платил, кто-то брал так, провожаемый мстительным взором благодетеля. Так продолжалось месяца два с половиной, пока его не побили два прыщавых хулигана, которые пока что не прочли Пиплии и потому не знали различий между добром и злом. Походы в катакомбы пришлось отменить, и примерно месяц в его руке вместо Пиплии был деревянный костыль.

Собственные его словосочинения были длинны, как глисты и отличались непередаваемо-мучительной логикой!

Недавно у Тукитукича умер дядя. Он предвкушал сумеречное волнение вступления в наследство, но наткнулся на длинные шеренги невесть откуда выпавших родственников, тоже рассчитывавших на скорую поживу, и впервые огорчился былой нерадивости германских властей, упустивших из вида этих явных дармоедов.

Они не любили дядю, но сразу полюбили его деньги.

– Во время революции его отец был главным врачом Сибири... – сказал им Тукитукич

– Чапаев, что ли? – отреагировали родственники.

Его престарелая мать, к восьмому десятку существования впавшая в полный маразм, теперь была фанатично убеждена, что всё, что было хорошего в их доме, происходило

не от феноменальных карьерных успехов отца, а от её экономии на спичках и мыле и мытье пола в полдень.

Всю жизнь она снимала докуфараональные фильмы для местного телевидения, один раз случайно разродившегося хитом – «Сказками кота Мурлыки». Это были фильмы, похожие на репортажи из разных палат одного уютного сумасшедшего дома. Один из фильмов был посвящён тайной жизни дроздов на кладбище, другой судьбе высшего света в Друзии. Кладбище, правда, по мнению многих, оставило более оптимистическое впечатление, чем пёстрый кремлёвский бомонд в её подаче!

Когда она умудрялась заставить подругу досмотреть своё новое творение до конца, то видя растерянность в глазах, начинала добивать клиента разговорами и «Катарсисе» и «Послевкусии Творчества».

Эти избиения иногда прекращал её муж, отец Туки, какого-то... и всегда не к месту возвращавшийся со службы.

Когда я узнал, что она хочет снять фильм о береговых и мостовых бомжах, я стремглав бросился в парк предупредить этих в общем-то славных и в большинстве своём совершенно безобидных людей о надвигающейся беде.

Лени Рифеншталь Мценского Уезда недолго изнемогала в муках творчества и оставила кинокарьеру на взлёте, всецело отдавшись плите и мойке.

Секс ей не удавался, и она давно оставила эту сторону творчества.

По вечерам она рассказывала Туки-Туки весёлые библейские сказки, от которых его тошнило, и его безмерно удивлённый открытый буквой «О» рот и глядящие в разные стороны очки несказанно веселили её большое, светлое, чересчур материнское сердце.

Больше всего в «Пиплии» ему нравились волосы Саула и волшебный порошок Урфина Джюса. Он так бредил этими волшебствами, так хохотал над проделками Сули, что запустил учёбу и стал дерзко грубить директрисе, попытавшейся забрать у него в мужском туалете сигарету.

Однажды Туки поймал какого-то пьянчугу и стал его просвещать насчёт библейских персон, но тот оказался морально крепок и не уступал ни пяди.

– Это тот, который победил римлян при помощи бороды и усов! – ехидно спросил крестьянин.

– Да, это гордость мировой истории!

– Саул, что ли?

– Вот именно! Савл!

– Савл – не Павл! Костями не гремит! Грешным не внемлет!

– Да!

– И куда он?

– В Малую Азию!

– Во-во! В маразме! Они все в марзме! И Саул тоже!

– Нет, вы что-то не то говорите!

– Я из всё время почему-то путаю! Этих Павликов, Савликов! Во-первых они все так похожи один на другого, свирепые как собаки и глупые, как псы! А гонору хватит на полсотни демагогов! Зачем они нам?

– Вы меня мистифицируете!

– Да, мумификация! Многим помогает! Да ничего! Не читай, не расстроишься!

– Хватит! Я не могу это слушать!

– Вот и у меня был приятель, нормальный такой человек, две ноги, две руки, хвост, и был он нормальный, пока ему в руки не попала «Детская Библия». И как она попала к нему, неизвестно, может, по почте он заказал, а может и подбросил кто! У нас знаете сколько по жизни врагов бывает – не сосчитаешь! То иголки в еду подложат, то чего-нибудь

подсыплют, по подожгут, с нашим народом не соскучишься! Такое бывает! Вообще я вот что скажу! Если хочешь насрать на семью несчастья – подбрось им «Детскую Библию»! подбрось и всё! Больше ничего не надо! «Детская Библия» зомбироваала и свела в могилу тьму народа! Тьму! В общем, это водораздел был, когда к нему попала в руки эта «Детская Библия». И с ним, как только к нему в руки попала «Детская Библия» точно такое же случилось! Тут его нормальность закончилась. Как будто обрубил! Он увлёкся этим божественным чтивом, глаз от страниц не отрывал, губами шевелил и причмокивал всё время, как вампир, и в конце концов так поверил во все эти еврейские народные сказки с их ужасами и несусветными чудесами, что сначала стал потихоньку других в мир иной призывать, да подталкивать, потом вошёл во вкус, разошёлся истал и свою плоть смирать голодаанием и молитвами, всё шло хорошо, да только одна беда – кончил он плохо – с ума сошёл, на площади начал такую чушь нести про устройство мира и его греховность, что все изумились, в общем, дня через два погрузили его два санитар на старенький медицинский бобик и увезли в маленький, уютный психиатрический диспансер. В Кулебогино! Там он себя отыскал наконец! Там он нашёл общий язык с тамошними Христом и Францисском Ассизским! До сих пор беседуют!

– Всё, прощайте! Не могу слушать!

– А ты и не слушай! Щавель, так щавель! Против судьбы не попрёшь! Я «Детскую Библию» на самокрутки пустил! Гадость – бумага мелованная!

– Библия прёт!

– Во-во! Пердёж!

Он был талантлив, ибо в тот момент, когда директор рвал у него изо рта сигарету, Туки умудрился вытащить у того из кармана портсигар.

В то время его постоянно видели бродящим по городу и бормочущим себе под нос какую-то библейскую погань. Во время появления первых поллюций это бывает!

Любящей матери было ясно, что из Туки явно не вырастет офицер типа Морфлота, лютый космонавт Печкин или верховный судья Зареченска в синей шапке и жёлтойлентой через плечо. Но и в мумуравины отдавать сына тоже пока не хотелось. Тут спешка ни к чему! Оставалась узкая полоса профессий от школьного репетитора до младшего преподавателя вуза с копеечной зарплатой и всегда встревоженными глазами идиота.

Воспитание сына потребовало напряжения всех мышц и кошелька.

Поэтому к тому времени мужа у неё уже не было.

Тукитукич к тому времени тоже развёлся. Чтобы наверняка никогда больше не встретиться с бывшей женой, он тайно покинул родину, и в трюме подводной лодки уехал в уединённый кибуц на самом юге Иудейской пустыни.

Место называлос Йодлим Школим и славилось тем, что там росло только одно растение – Железная Исрульская Колючка N5.

Там, среди верных друзей и обломков тракторов и ржавых Армериканских веялок он обрёл счастье в объятиях одноногой и одноглазой Сары Бергштогль, переводчицы, а по совместительству героини Восьмой Синайской войны.

Из их окон всегда раздавались звуки ликующих маршей Времени Побед.

Сара была из хорошей семьи, и если бы у неё была хоть капля разума, могла бы весело прожить на капиталы своих родителей – Банкаира и воспитательницы детского сада из Кир-Бидуры.

Но неуёмный огонь демонизма неутомимо жог её задницу и заставлял бросаться в бой при каждом употреблении слова «араб».

Она потеряла глаз, напоровшись на затвор своей снайперской винтовки при Хайфском Деле и ногу в ночном бою под Вирта Що.

Ногу, подобно тому, как ящерица отстёгивает хвост, она оставила неизвестному красавцу-арабу, когда пыталась освободиться от его свирепой хватки в трубе городской канализации города Хайфы.

На стене её дома было восемь многоконечных звёзд – по количеству ликвидированных ею партизан. Особенно гордилась она участием в ликвидации зловещего Ясура Маргитри, по кличке Хайфский Потрошитель, которого её удалось схватить железной рукой за фаллос и так продержать несколько суток до подхода дивизии «Голланы». Всего двенадцать часов мёртвой хватки. Когда она сдавала под подпись синие яйца Ясура Маргитри бравому полковнику Йоси Шнурку, он даже облобызал её!

Пятиконечная звезда на курене арабского террориста Уни Тари, бывшего теперь с берданом с другой стороны границы, воплощала собой оторванную ногу Сары. Араб тоже гордился своими военными трофеями, и оторванная нога Сары стояла в одном ряду с отрезанными ушами героического бомбиста Бени Крика и уникальным по пышности скальпом полковника Дони Пари, которых ему удалось через канализационную прореху подстрелить в ходе недолгой и насыщенной событиями Девятой Палестинской Катавасии.

Сара была хороша и без ноги.

Её прокуренный голос, денно и ночью доносящийся из похожего на друшлаг джипа был внятен, как полковой барабан.

Её плоская грудь была покрыта орденами, как больной пятнами лепры.

Отсутствие ноги и глаза придавало ей такой шарм и такое очарование, каких и в помине не было у первой жены Туки.

А Тукитукич меж тем рос и поправлялся, демонстрируя сверстникам необычную скорость овладения и весьма посредственные оценки по математике и труду.

Скоро и Тукитукич научился стрелять из базуки, но из-за плохого зрения ни разу никуда не попал, кроме вороньего гнезда на вершине огромной сикаморы с телом женщины. Сикамора стояла прямо напротив ворот из колючей проволоки, открывавших въезд в его владение.

С тех пор вороны перестали уважать Исруль, и постоянно нападали на куриные стаи у Кохморданского КПП.

Тукитукич шёл по жизни легко.

Он мечтал о том времени, когда напишет самую большую в мире книгу и его наградят самой большой премией, самой большой машиной в самом большом городе мира. Возможно, это должен быть Нью-Йорк, возможно – Нюрнберг! Но только не Даллас! Неважно, где будет проложена красная дорожка, здесь или там! Но главное, чтобы медаль ему вручил великий и всемогущий Вудди Аллен.

Потом Тукитукич узнал, что великий и могучий Вуди от горшка-два вершка и когда голова мэтра перевешивает всё остальное, тот неминуемо падает на ковёр головой вниз. Узнав об этом инциденте, Туки огорчился так, что в тот же день напился у Доры Ляминой, его новой приятельницы вдупель, а утром был изгнан из её дома из-за того, что в беспмятстве облевал какую-то непомерно святую книгу, подарок отца Лимонария! В этом случае был исток дальнейшей любви Тукитукича к книгам. Но если он и любил книги, то книги точно и навсегда не полюбили его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.